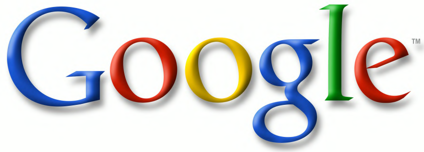

STANFORD

5
19577a

1812 ГОДЪ

ВЪ

„ВОЙНѢ И МИРѢ"

ПО ПОВОДУ ИСТОРИЧЕСКИХЪ УКАЗАНІЙ IV ТОМА „ВОЙНЫ И МИРА" ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО.

А. ВИТМЕРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
Литейный проспектъ, № 39.
1869

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го Февраля 1869 года.

Смѣлые парадоксы IV тома «Войны и Мира» распространили въ большей части нашего общества, столь довѣрчиваго ко всякаго рода авторитетамъ, самыя превратныя понятія, какъ о военномъ дѣлѣ, такъ и объ историческихъ событіяхъ 1812 года. Мнѣнія, по меньшей мѣрѣ странныя, не разъ слышанныя авторомъ даже отъ людей довольно образованныхъ, послужили поводомъ къ настоящимъ замѣткамъ, которыя и были недавно напечатаны въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ журналовъ.

Многіе, быть можетъ слишкомъ лестные, отзывы и совѣты—сдѣлать наши замѣчанія доступными не для однихъ только подписчиковъ спеціальнаго журнала, но и для всего читающаго люда—побудили автора къ изданію ихъ отдѣльной брошюрой, съ весьма немногими измѣненіями и съ исправленіемъ довольно большаго числа корректурныхъ ошибокъ, вкравшихся при первомъ изданіи. Измѣненія не могли быть значительны, потому что авторъ, хотя и напечаталъ статью свою въ спеціальномъ журналѣ, но, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, имѣлъ въ виду сдѣлать ее вполнѣ доступною всей массѣ читателей «Войны и Мира».

На ряду съ отзывами, повторяемъ, быть можетъ слишкомъ благопріятными, намъ дѣлами также и упреки: въ томъ, во первыхъ, что въ разборѣ мы не коснулись Аустерлица, Шёнграбена и вообще столкновеній нашихъ войскъ съ Наполеономъ, предшествовавшихъ 1812 году; во вторыхъ въ томъ, что будто бы мы слишкомъ строго относимся къ графу Л. Н. Толстому, что онъ не историкъ, а романистъ и что, слѣдовательно, исторической истины отъ него нечего было и ожидать.

На первое замѣчаніе отвѣтимъ, что въ первыхъ 3-хъ томахъ своего произведенія (эпоха до 1812 года) авторъ «Войны и Мира» описывалъ событія и проводилъ свои идеи, какъ художникъ, въ образахъ,—цѣль же наша заключалась не въ томъ, чтобы разсматривать дѣятельность графа Толстаго-художника, а графа Толстаго-философа и историка, какимъ онъ является *только въ IV томѣ*, когда приступаетъ къ нашей отечественной войнѣ.

Этотъ же аргументъ можетъ служить отвѣтомъ и на второе замѣчаніе: *IV томъ «Войны и Мира» даетъ полное право относиться къ нему съ тою же строгостью, какъ ко всякаго рода историческому труду*, потому что здѣсь авторъ-художникъ отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто историку, философу и историческому критику, съ чѣмъ конечно согласится всякій, кто прочелъ IV томъ произведенія графа Толстаго, его статью въ № 3 Русскаго Архива, и кто дастъ себѣ трудъ прочесть первыя страницы предлагаемаго разбора.

Въ заключеніе еще разъ считаемъ нужнымъ прибавить, что не можетъ не отдавамь должной справедливости художнику, обогатившему нашу литературу такими произведеніями, какъ Дѣтство, Отрочество, Юность, разсказы изъ кавказскаго быта Казаки, Севастопольскій дневникъ....

Это же самое уваженіе къ таланту автора, а также важность затронутаго имъ вопроса, обязали насъ къ разбору не поверхностному, не голословному, но который постоянно опирался бы на подлинныя слова автора, что не только не дозволяетъ съ умысломъ искажать смыслъ подлинника, но даетъ возможность избѣжать ложныхъ его толкованій, даже неумышленныхъ.

I.

Ни одно литературное явленіе послѣдняго времени не производило на русское общество такого сильнаго впечатлѣнія, не читалось съ такимъ интересомъ, не пріобрѣтало столько поклонниковъ, какъ „Война и миръ“ графа Л. Н. Толстаго.

Недавно (*) вышелъ въ свѣтъ нетерпѣливо ожидаемый 4-й томъ этого сочиненія, въ которомъ авторъ, не довольствуясь ролью талантливаго литератора, выступаетъ какъ историческій критикъ, съ замѣчательной нетерпимостью, а подъ часъ и съ ироніей, третирующій историковъ, занимавшихся изслѣдованіемъ избранной имъ эпохи.

Подкупленная литературными достоинствами труда графа Толстаго, публика съ довѣрчивостью, слѣпо, слѣдуетъ и его историческимъ указаніямъ, вѣритъ его философскимъ теоріямъ, и только весьма не многіе ви-

---

(*) Писано въ Апрѣлѣ 1868 года.

дать разницу между графомъ Толстымъ—философомъ и историкомъ, и графомъ Толстымъ—художникомъ.

А разница между ними—громадная!

Отдавая полную справедливость неотъемлемому литературному таланту автора и даже не касаясь вопроса: умѣстно или неумѣстно проводить въ литератуномъ произведенiи какiя бы то ни было доктрины не въ образахъ, а въ формѣ отвлеченныхъ разсужденiй, мы займемся исключительно историческимъ элементомъ, занимающимъ такое видное мѣсто въ 4-мъ томѣ новаго произведенiя графа Толстаго.

Но, прежде чѣмъ приступить къ предстоящему разбору, полагаемъ не лишнимъ остановиться на авторской защитѣ историческихъ указанiй 4-го тома, помѣщенной въ № 3-мъ „Русскаго Архива" за 1868 годъ.

Первые четыре пункта этой статьи, подъ заглавiемъ: „Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и миръ", какъ не касающiеся исторiи, мы оставимъ въ сторонѣ. Отвѣтомъ на 6-й пунктъ, въ защиту фатализма въ исторiи, могутъ служить замѣчанiя наши, изложенныя ниже, при разборѣ 4-го тома „Войны и мира". Остается разобрать положенiя автора, высказываемыя въ 5-мъ пунктѣ авторской апологiи.

Авторъ начинаетъ съ того, что, говоря о различныхъ задачахъ историка и художника, утверждаетъ, будто

„историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствiя историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лице. Художникъ, напротивъ" и т. д.

Удивительное понятiе о задачѣ и средствахъ историка! Итакъ, значитъ, историкъ „*обязанъ*" взять изъ собственной головы какую нибудь идею, „*вложить*" ее въ

историческое лицо и, затѣмъ, подводить всѣ его дѣйствія подъ предвзятую идею. Спорить противъ этого мы конечно не будемъ, но не можемъ не высказать, что мы, лично, понимаемъ задачу историка нѣсколько иначе: историкъ, по нашему мнѣнію, долженъ приступать къ избираемой эпохѣ *безъ всякихъ предвзятыхъ идей*; онъ долженъ прежде всего тщательно познакомиться съ фактами, сличить противорѣчащія показанія, порыться, если возможно, въ архивной пыли, въ сыромъ, неразработанномъ еще матеріалѣ, и затѣмъ уже, пріобрѣтя, такимъ образомъ, твердую почву, дѣлать свои выводы, проводить идеи, но не взятыя съ вѣтра, а строго вытекающія изъ анализа фактовъ.

Слѣдя за авторомъ далѣе, никто не станетъ съ нимъ спорить, что при описаніи сраженій невозможно соблюсти строгую истину: дѣйствіе происходитъ такъ быстро, картина боя такъ разнообразна и драматична, а дѣйствующія лица находятся въ такомъ напряженномъ состояніи, что это становится совершенно понятнымъ; но дѣлать отсюда выводъ о степени достовѣрности историческихъ изслѣдованій вообще, это—тоже, что по одному помѣшанному судить объ умственныхъ способностяхъ всего человѣческаго рода.

Да и относительно правдивости описаній сраженій, графъ Толстой хватилъ, какъ говорится, черезъ край. Есть, конечно, такія минуты боя, которыя неуловимы даже для очевидцевъ, а подъ часъ и умышленно искажаются ими; но всѣ *предварительныя распоряженія*, всѣ дѣйствія *внѣ сферы выстрѣловъ*, вполнѣ поддаются правдивому описанію; если бы и появилась здѣсь умышленная ложь, то она почти всегда обнаруживается посредствомъ сличенія различныхъ показаній. Что же ка-

*

сается поведенія войскъ въ сферѣ огня, то и здѣсь есть у историка руководящія нити: отступленіе противника, напримѣръ, такъ же какъ значительныя численныя потери, служатъ признакомъ хорошаго поведенія войскъ; отступленіе съ нашей стороны, при малыхъ потеряхъ, можетъ служить обратнымъ признакомъ и т. п.

Перечислить всѣ пріемы невозможно, такъ какъ это дѣло—чисто практическое, зависящее отъ личной способности изслѣдователя анализировать факты.

Имѣя въ виду все вышесказанное, точно также какъ и мнѣніе автора, что

„художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами" (стр. 523),

мы рѣшительно не понимаемъ, отчего же должно быть непремѣнно

„разногласіе между художникомъ и историкомъ въ описаніи событій"? (стр. 523)

Мы понимаемъ, что художникъ—не простой романистъ, а художникъ, рѣшившійся написать

„не романъ, не поэму, а «Войну и Миръ» (стр. 515), посвятившій для этого пять лѣтъ исключительнаго труда (стр. 515) и собравшій цѣлую библіотеку матеріаловъ (стр. 523),

что такой художникъ можетъ обходить молчаніемъ вещи, на которыхъ останавливается историкъ, и, наоборотъ, удѣлять особенное вниманіе характеристикѣ лицъ историческихъ, и даже не историческихъ, служащихъ для обрисовки эпохи; мы даже не требуемъ отъ такого художника, чтобы разговоры историческихъ лицъ были вѣрны исторически: пусть только они не противорѣчатъ ходу событій и вѣрно очерчиваютъ характеръ

лица; но грубаго противорѣчія въ фактахъ, не происходящихъ въ сферѣ выстрѣловъ, мы не допускаемъ. Здѣсь одно изъ двухъ: или ошибается художникъ, или лгутъ историки.

Если художникъ своими изысканіями достигъ истины—она съ благодарностью должна быть принята исторіей. Если ошибается художникъ (повторяемъ, не романистъ, а художникъ, поставившій себѣ такую задачу, какъ графъ Толстой, и вступающій въ своемъ произведеніи въ область философіи и исторической полемики), если ошибается такой художникъ, если онъ слишкомъ легкомысленно, безъ всякой подготовки, берется за рѣшеніе историческихъ вопросовъ и самонадѣянно осыпаетъ упреками людей, серьезно работавшихъ на этомъ поприщѣ—упреки эти, по справедливости, должны обратиться на его же собственную голову.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе: относительно странной оцѣнки авторомъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ войнѣ 1812 года.

Владѣя цѣлой библіотекой матеріаловъ (стр. 523), авторъ называетъ двумя

„главными историческими произведеніями этой эпохи Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго“ и „приходя въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги“ (стр. 523),

тѣмъ не менѣе прилежно изучаетъ ихъ, будучи, по видимому, вполнѣ убѣжденъ, что лучшаго, нигдѣ и ничего, найти невозможно. Но вотъ подлинныя слова автора:

„Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же

событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріялы (*) и діаметрально-противоположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться или плакать, когда вспомнишь, что обѣ эти книги *единственные* (!?) памятники той эпохи и имѣютъ милліоны читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера"

и авторъ приводитъ дѣйствительно чудовищно-дикую тираду изъ Тьера. Напрасно не привелъ авторъ въ „pendant" не менѣе нелѣпыя вещи, встрѣчающіяся у Михайловскаго-Данилевскаго, въ родѣ, напримѣръ, того, что въ полевомъ сраженіи войска стрѣляютъ калеными ядрами, что, какъ извѣстно, положительно невозможно; но напрасно также не вывелъ авторъ, изъ нелѣпостей, встрѣчающихся у Тьера и у Михайловскаго-Данилевскаго, заключенія о томъ, что писатели эти не „*главные*" для изученія этой эпохи.

Впрочемъ, графъ Толстой, вѣроятно, потому не пришелъ къ такому простому умозаключенію, что, по его мнѣнію, это не только главные, но и „*единственные* памятники той эпохи". Но въ такомъ случаѣ, какъ понять слѣдующія слова автора:

„Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріялами изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которые всегда могу сослаться".

Какія же это книги? Если Тьеръ и Михайловскій-Данилевскій „*единственные* памятники той эпохи" и если подъ этимъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть „исто-

(*) Замѣтимъ, между прочимъ, что Тьеръ никогда не ссылается на матеріялы. Уже одинъ этотъ характеръ его сочиненія не можетъ доставить ему права на серьезное историческое изслѣдованіе.

рическіе памятники", то изъ какихъ же книгъ составлена библіотека автора?

По нашему мнѣнію, Тьеръ и Михайловскій-Данилевскій не единственныя, и даже не главнѣйшія „историческія произведенія этой эпохи". Мало того, оба эти писателя, включая сюда и графа Сегюра—писатели наиболѣе краснорѣчивые, но едва ли не *наименѣе достойные вѣры* изъ всѣхъ, описывавшихъ войну 1812 года.

Памятниковъ же этой эпохи (разумѣемъ историческіе труды о ней), не два только, а множество. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ:

На французскомъ языкѣ: Шамбре, Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, Фезансакъ, Гурго, Воданкуръ, Фенъ (Fain), Лабомъ, Чичаговъ и др.

На нѣмецкомъ: Бернгарди, Клаузевицъ, Гофманъ, Шрекенштейнъ, герцогъ Евгеній Виртембергскій, Канкринъ и др.

На англійскомъ: Вильсонъ.

На русскомъ: Ермоловъ, Бутурлинъ (*) и наконецъ Богдановичъ, сочиненіе котораго, вмѣстѣ съ Шамбре и Бернгарди, можетъ, по справедливости, считаться *главнымъ* источникомъ для изученія эпохи 1812 года.

Полагаемъ теперь возможнымъ приступить къ самому разбору четвертаго тома „Войны и мира", къ разбору, повторяемъ, *только съ исторической точки зрѣнія*, оставляя въ сторонѣ неоспоримыя литературныя достоинства романа. Причемъ мы не будемъ касаться мелочей и, въ большей части случаевъ, оста-

(*) Бутурлинъ, флигель адъютантъ Императора Александра, написалъ свое сочиненіе на французскомъ языкѣ; но вскорѣ сочиненіе это переведено было Хатовымъ на русскій языкъ и въ этомъ переводѣ наиболѣе распространено въ нашемъ отечествѣ.

вимъ въ сторонѣ даже характеристику лицъ, такъ какъ духовныя силы дѣятелей болѣе или менѣе подлежатъ спору. Обратимъ вниманіе только на вопросы болѣе важные и на заблужденія автора, не подлежащія сомнѣнію.

Ученіе о томъ, что не отдѣльныя личности руководятъ міровыми событіями, а что, напротивъ, онѣ являются не болѣе какъ орудіями неизбѣжнаго порядка вещей—ученіе не новое и принятое почти всѣми новѣйшими историками-философами; но графъ Толстой развиваетъ это ученіе до самыхъ крайнихъ предѣловъ. По его мнѣнію, не только люди толпы, но и руководящіе массами (послѣдніе даже по преимуществу) не болѣе, какъ автоматы: Наполеонъ начинаетъ войну съ Россіей самъ не зная зачѣмъ, помимо своей собственной воли; онъ идетъ на Москву также не зная зачѣмъ; онъ дѣлаетъ это, будучи вполнѣ увѣренъ, что въ Москвѣ ждетъ его погибель, а между тѣмъ не можетъ остановиться и идетъ на свою гибель, какъ кроликъ въ пасть удава. Онъ даетъ Бородинское сраженіе; но это только такъ *кажется*, и это ложно, точно такъ же, какъ ложно полагаютъ слѣпцы-историки, что Наполеонъ игралъ какую либо роль въ этомъ бою, дѣлалъ какія либо распоряженія. Напротивъ того, все сдѣлалось въ Бородинскомъ сраженіи само собою, и никакое распоряженіе Наполеона ничего не могло измѣнить въ судьбѣ этого дня; роль же его въ приготовленіяхъ къ сраженію заключалась, по словамъ графа Толстаго, чуть ли не единственно въ томъ, что онъ кряхтѣлъ и поворачивался „жирнымъ тѣломъ" подъ щетками ловкаго камердинера.

Нелѣпость такихъ выводовъ бросается въ глаза

сама собою, и происходитъ отъ того, что теорію, вполнѣ примѣнимую къ общему теченію міровыхъ событій, графъ Толстой вздумалъ примѣнить къ частнымъ дѣяніямъ, а это, по меньшей мѣрѣ, несправедливо.

На общее теченіе дѣлъ вліяютъ общіе неизмѣнные законы; но лишь только вы переходите къ частностямъ, какъ являются отступленія отъ общаго порядка вещей. Это приложимо ко всему.

Статистика, такъ много объяснившая намъ въ последнее время, говоритъ, напримѣръ, что въ извѣстной странѣ, населенной 20-ю милліонами людей, на 10 лѣтъ приходится столько-то преступленій; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы на каждый день, или на каждую тысячу человѣкъ, пришлось количество преступленій, соразмѣрное общему числу, приходящемуся на 10 лѣтъ и на 20 миліоновъ.

Тоже примѣнимо и относительно окружающей насъ природы: средняя температура зимы для извѣстнаго мѣста, положимъ —3°; но бываютъ дни и въ 3° тепла и въ 25° мороза.

Этихъ двухъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для доказательства того, что справедливое въ общемъ не можетъ быть примѣнимо къ частностямъ. Такъ и теорію о непреложномъ ходѣ историческихъ событій нельзя примѣнить къ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, невозможно сдѣлать заключенія, что передовые люди дѣйствуютъ помимо своей воли и не могутъ руководить событіями, теченіе которыхъ само увлекаетъ ихъ. Нѣтъ, они выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, и руководятъ ими (*). Да и что такое историческія событія, какъ не результатъ дѣятельности мно-

(*) И это отнюдь не противорѣчіе, какъ мы поясним ниже примѣрами.

гихъ волей? Законы этой общей дѣятельности—непреложны; но каждая отдѣльная дѣятельность свободна и можетъ идти совершенно въ разрѣзъ законамъ общей дѣятельности. И развѣ каждый изъ насъ не знаетъ сотни примѣровъ того, какъ отдѣльная воля вредила, напримѣръ, прогресу? Она могла вредить ему, конечно, только временно, но вредила тѣмъ не менѣе дѣйствительно, и вредъ этотъ исправлялся, опять-таки, дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, возстановлявшихъ законы вѣчнаго прогреса. Вліяніе на событія и свободная воля, какъ тѣхъ такъ и другихъ, несомнѣнны, хотя въ результатѣ и торжествуютъ общіе, непреложные законы.

Для болѣе нагляднаго поясненія того, что передовые люди, хотя и выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, руководятъ ими, приведемъ нѣсколько близкихъ намъ примѣровъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ сознавалась вполнѣ нашимъ правительствомъ въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, а между тѣмъ это освобожденіе осуществилось только 60 лѣтъ спустя, и могло осуществиться десятью, двадцатью годами позже. Оно совершилось бы непремѣнно; но могло совершиться раньше или позже, и—мирнымъ путемъ или насильственнымъ. Все зависѣло отъ рѣшимости правительства и цѣлесообразности мѣръ.

Точно также, по силѣ вещей, близкія сношенія Россіи съ Западомъ были неизбѣжны, какъ неизбѣжно Россія должна была сдѣлаться могущественнымъ государствомъ. И то и другое должно было быть; но, не будь Петра, это могло исполниться столѣтіемъ, двумя, позже, и совершилось бы, быть можетъ, не насильственнымъ, лучшимъ путемъ, и избавило бы насъ, въ такомъ случаѣ, отъ излишествъ и увлеченій при подражаніи.

Наконецъ, объединеніе Германіи должно было совершиться; но не явись въ Пруссіи Бисмаркъ, или руководи австрійской арміей лучшій главнокомандующій, и это объединеніе имѣло бы мѣсто, быть можетъ, по прошествіи полустолѣтія, и могло совершиться совсѣмъ инымъ путемъ. Въ послѣднемъ примѣрѣ личность Бисмарка была выдвинута событіями, но въ свою очередь и руководила ими.

Наконецъ, неужели изобрѣтатели компаса, книгопечатанія, пара (какъ двигателя), желѣзныхъ дорогъ, электричества и гальванизма, открытія которыхъ играютъ такую видную роль въ исторіи человѣчества, были не болѣе какъ автоматы?

Полагаемъ, что сказанное можетъ служить также достаточнымъ опроверженіемъ и на поясненія автора въ защиту фатализма въ исторіи, высказанныя имъ въ 6-мъ пунктѣ статьи „Русскаго Архива".

Въ статьѣ этой, впрочемъ, нѣтъ ничего такого, чтобы не было уже сказано авторомъ въ четвертомъ томѣ „Войны и Мира", кромѣ развѣ самыхъ невѣроятныхъ умствованій о томъ, что поднять руку—зависитъ отъ нашей воли, и опустить ее въ воздухѣ такъ же, точно такъ же какъ и рѣшать любые математическіе вопросы; но опустить руку на ребенка не зависитъ отъ нашей воли. „Я *не могу* этого сдѣлать", восклицаетъ авторъ. „На этого ребенка бросается собака, я *не могу* не поднять руку на собаку" (стр. 525) (!?).

Если признать справедливость словъ автора, то невольно является вопросъ: какъ же это бываютъ люди, которые могутъ сѣчь дѣтей, и другіе—которые бѣгаютъ отъ собакъ? И хорошо ли поступаютъ тѣ и другіе?

Слѣдуя за авторомъ далѣе, мы будемъ придержи-

ваться того порядка, въ какомъ встрѣчаются въ книгѣ графа Толстаго предметы, подлежащіе спору или опроверженію.

Четвертый томъ „Войны и Мира" начинается, какъ извѣстно, съ причинъ войны 1812 года; здѣсь авторъ договаривается до того, что Наполеонъ началъ войну съ Россіею

„потому, что не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться воспріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра" и т. д. и т. д. (ч. 2-я стр. 125).

Въ другомъ мѣстѣ, приводя множество причинъ, безъ которыхъ война не состоялась бы, наряду съ химерическимъ предположеніемъ, что

„ежели бы всѣ сержанты отказались поступить на вторичную службу, то войны не было бы",

графъ Толстой, въ числѣ причинъ войны, называетъ французскую революцію и все то, что произвело ее, и т. д. и т. д. (стр. 3).

Слѣдуя такимъ путемъ, конечно, не трудно добраться, какъ говорится, до Адама; это понятно всякому, и такъ какъ нельзя предположить, чтобы историки—хотя графъ Толстой и упрекаетъ ихъ въ наивности (стр. 1)—были непремѣнно глупѣе другихъ людей, то, конечно, и они не хуже другихъ смертныхъ понимаютъ, что, напримѣръ, причина всѣхъ войнъ заключается въ свойствахъ человѣческой природы. Но неужели они заслуживаютъ упрека въ томъ, что указываютъ на ближайшіе *поводы* къ войнѣ, называя ихъ иногда причинами, иногда же и поводами?

Если бы историкъ поступалъ иначе и, приступая къ изложенію причинъ какой нибудь войны, начиналъ бы

съ того, что „природа создала человѣка, что человѣкъ— существо несовершенное, что онъ склоненъ къ насиліямъ“ и т. д., то его сочли бы помѣшаннымъ, или, по крайней мѣрѣ, назвали бы пустословомъ и даже человѣкомъ неделикатнымъ, предполагающимъ въ читателѣ отсутствіе такихъ элементарныхъ свѣдѣній. Поэтому историкъ вполнѣ правъ, что, предполагая читателя образованнаго, несклоннаго увлекаться пустословіемъ и немудрыми умозрѣніями, оставляетъ ихъ въ сторонѣ и начинаетъ прямо съ изложенія ближайшихъ причинъ войны.

Онъ правъ еще болѣе потому, что эти ближайшія причины и поводы были *дѣйствительными* причинами *извѣстной* войны.

Скажутъ: столкновеніе между Россіей и Франціей было неизбѣжно и имѣло бы мѣсто и безъ этихъ причинъ. Справедливо. По ходу событій это было неизбѣжно; но оно могло совершиться раньше или позже и, притомъ, совершенно при другихъ условіяхъ, хотя, быть можетъ, и съ тѣмъ же результатомъ. Итакъ, причины войны, *собственно 1812 года, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она совершилась*, были все же эти, по видимому, пустые поводы: взаимное неудовольствіе двухъ императоровъ, вслѣдствіе захвата Наполеономъ великаго герцогства Ольденбургскаго, несоблюденіе Александромъ условій континентальной системы, и т. д. и т д.

Авторъ предается разсужденіямъ о причинахъ войны, насчитывая ихъ милліоны, съ такой чистосердечной, искренней вѣрой въ новизну своего открытія, что намъ невольно приходятъ на память его же собственныя умозрѣнія, дѣлаемыя имъ гораздо раньше, еще въ отроческомъ возрастѣ; причемъ онъ

„воображалъ (его собственныя слова), что *первый* открываетъ такія великія и серьезныя истины“ (Дѣтство и Отрочество, стр. 271).

Относительно автоматичности дѣйствій императоровъ Наполеона и Александра, говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ считаемъ этотъ вопросъ уже достаточно разъясненнымъ выше.

Разсужденій князя Болконскаго (стр. 64), обязательно излагающаго собственныя мысли автора, мы коснемся впослѣдствіи, и потому перейдемъ прямо къ страницѣ 68, гдѣ встрѣчается неточность, на которую мы, конечно, не обратили бы вниманія, если бы графъ Толстой оставался въ своемъ произведеніи художникомъ безъ претензій на компетентность историка; но претензіи эти такъ часто даютъ себя чувствовать, что предоставляютъ полное право упрекать автора даже въ мелочныхъ историческихъ неточностяхъ. Неточность эта вотъ какого рода: дѣло при Салтановкѣ было 11-го іюля; первое извѣстіе о немъ доставлено въ 1-ю западную армію поручикомъ княземъ Меньшиковымъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюля (*), а между тѣмъ Павлоградцы, стоявшіе, по словамъ графа Толстаго, на аванпостахъ 1-й западной арміи, толкуютъ объ этомъ дѣлѣ еще 12-го іюля, наканунѣ дѣла при Островнѣ.

Такая неточность, непросительная сама по себѣ человѣку столь компетентному, какимъ выдаетъ себя графъ Толстой, становится еще болѣе непонятною, если вникнуть въ смыслъ сраженій при Салтановкѣ и Островнѣ, въ тѣ причины, которыя заставили военачальниковъ дать эти сраженія. На зло теоріи графа Толстаго, по кото-

(*) Донесеніе Государю военнаго министра отъ 15-го іюля 1812 года за № 538.

рой роль военачальниковъ равняется нулю, она выразилась въ этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ:

Вслѣдъ за рѣшеніемъ главной квартиры 1-й западной арміи оставить Дрисскій лагерь, главнокомандующему 2-й арміи, князю Багратіону, послано было извѣстіе объ этомъ рѣшеніи, вмѣстѣ съ предложеніемъ идти на соединеніе съ 1-й западной арміей на Витебскъ. Но Наполеонъ, цѣль котораго въ этотъ періодъ войны заключалась въ томъ, чтобы не допустить соединенія нашихъ первыхъ двухъ западныхъ армій, направилъ главную массу силъ прямо на Витебскъ, въ то время какъ сводный корпусъ Даву двигался въ промежуткѣ между 1-й и 2-й западными арміями.

Багратіонъ, достигнувъ Днѣпра, хотя и нашелъ дорогу на Оршу и Витебскъ загражденною войсками Даву, рѣшился однако сдѣлать попытку оружіемъ проложить себѣ путь, слѣдствіемъ чего и было дѣло при Салтановкѣ. Попытка эта не удалась, несмотря на мужество нашихъ войскъ и самоотверженіе Раевскаго, выказавшаго готовность принести въ жертву двухъ сыновей своихъ для блага родины (*).

Тогда Багратіонъ отступилъ внизъ по Днѣпру до Новаго Быхова, гдѣ, предусмотрительный и опытный воинъ, онъ приказалъ заранѣе устроить переправу черезъ Днѣпръ, перешелъ черезъ эту рѣку 14-го и направился на Смоленскъ, извѣстивъ обо всемъ главнокомандующаго 1-й арміи Барклая-де-Толли.

Но извѣстіе это пришло въ 1-ю западную армію, достигшую Витебска еще 11-го іюля, только въ ночь

(*) Къ этому подвигу Раевскаго, который всякій русскій *долженъ* цѣнить, графъ Толстой относится и недовѣрчиво, и неодобрительно (стр. 69).

съ 14-го на 15-е число, между тѣмъ какъ 12-го главная масса французовъ уже надвигалась къ Витебску и расположилась отъ него въ разстояніи перехода.

Положеніе Барклая было весьма затруднительно: принять сраженіе въ невыгодной позиціи, съ 80,000 противъ 150,000, предводимыхъ Наполеономъ, было крайне рисковано; отступать же было невозможно, потому что это значило погубить армію Багратіона, направленную на Витебскъ. Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ рѣшено было выслать къ Островнѣ корпусъ Остермана, чтобы выиграть время, задерживая каждый шагъ наступленія французовъ къ Витебску, предполагаемому пункту соединенія обѣихъ армій. Такимъ образомъ произошло сраженіе при Островнѣ (13-го іюля). Оно было дано единственно съ тою цѣлью, чтобъ обезпечить присоединеніе 2-й арміи къ 1-й въ Витебскѣ, и если бы въ главной квартирѣ 1-й арміи знали 12-го (какъ говоритъ авторъ) о дѣлѣ при Салтановкѣ, то есть о томъ, что Багратіонъ прибыть къ Витебску не можетъ, то сраженіе при Островнѣ становилось безцѣльнымъ и, конечно, не было бы дано.

Странно, что автору остались неизвѣстными подобныя обстоятельства, объясняющія довольно крупныя явленія войны, несмотря на то, что, по словамъ его, онъ владѣетъ цѣлой библіотекой матеріяловъ.

Мы могли бы сдѣлать еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній въ такомъ, напримѣръ, родѣ, что въ сраженіи подъ Островной, вопреки графу Толстому, Павлоградцы вовсе не участвовали, точно такъ же, какъ не было вовсе уланъ, которыхъ графъ Толстой заставляетъ бѣжать отъ французскихъ драгунъ; участвовали же въ дѣлѣ Лейбъ-гусары, Сумскіе гусары и два полка драгунъ.

Но, слѣдя за подобными промахами, было бы не трудно составить цѣлый томъ и потому перехожу прямо къ 1-й главѣ 2-й части, обойти которую положительно невозможно.

1-я глава 2-й части начинается съ перефразировки теоріи, уже однажды высказанной авторомъ, что все въ мірѣ дѣлается помимо нашей воли, послѣ чего авторъ говоритъ:

„Теперь намъ ясно, что было въ 1812 году причиной погибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что̀ теперь кажется очевиднымъ) что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами русской арміей; не только никто не предвидѣлъ этого, но всѣ усилія со стороны Русскихъ были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что̀ одно могло спасти Россію, и со стороны Французовъ, не смотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что̀ должно было погубить ихъ“ (стр. 126).

Прежде всего поражаетъ насъ здѣсь удивительная послѣдовательность. Авторъ все время доказываетъ, что причины, или, скорѣе, поводы къ войнѣ, приводимые историками, не могутъ быть приняты, что причинъ была бездна, что причиною была, между прочимъ, „французская революція и все то, что произвело ее“,

и вслѣдъ затѣмъ съ чисто *„русской“* (*) самоувѣренностью говоритъ, что теперь уже „никто не станетъ спорить“, что причиною погибели французской арміи было съ одной сторонѣ позднее ея вступленіе въ предѣлы Россіи, съ другой—характеръ войны, возбудившій ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ.

Полагаемъ, что всякій, изучавшій эту эпоху, хотя „спорить“ съ авторомъ и не будетъ, но ни въ какомъ случаѣ съ нимъ не согласится, и не согласится потому, что первая причина вовсе не была исключительною причиною гибели французской арміи (**); вторая же—„ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ“, *сама по себѣ*, очевидно, не могла погубить непріятеля. Или, быть можетъ, авторъ подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ разумѣетъ *результаты* этой ненависти, напримѣръ, народную войну? Въ такомъ случаѣ слѣдовало выразиться яснѣе. Но даже и народная война вовсе не можетъ быть названа не только исключительною, но и главнѣйшею причиною гибели французской арміи; напротивъ того, всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія заставляютъ думать, что вооруженное возстаніе народа принесло непріятелю сравнительно весьма мало вреда: нѣсколько вырѣзанныхъ шаекъ мародеровъ, нѣсколько звѣрскихъ поступковъ (вполнѣ, впрочемъ, оправдываемыхъ поведеніемъ непріятеля) надъ отсталыми и плѣнными—вотъ и все.

(*) Въ томъ смыслѣ, какъ опрдѣляетъ ее авторъ (стр. 58). Вообще мы должны поблагодарить автора за то, что онъ приписываетъ нашей національности самоувѣренность, присущую только полнѣйшему невѣжеству.

(**) Притомъ открытіе кампаніи въ Іюнѣ объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что Наполеонъ не предвидѣлъ, что война затянется до зимы, во вторыхъ, желаніемъ французскаго императора доставить подножный кормъ своей многочисленной кавалеріи.

Причинъ гибели французской арміи было много и онѣ лежали глубоко. Избѣгая бездоказательности, когда нибудь впослѣдствіи я изложу подробно главнѣйшія изъ нихъ, и притомъ въ отдѣльной статьѣ чтобы не утомлять читателя, не интересующагося этимъ вопросомъ; теперь же перехожу ко второй половинѣ приведеннаго авторскаго текста.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ тѣмъ, что въ Россіи погибла 800,000-я французская армія и что наша армія была вдвое слабѣе; слѣдовательно—равнялась 400,000. Интересно было бы знать, откуда авторъ почерпнулъ подобныя свѣдѣнія? Неужели пятилѣтній, „непрестанный, исключительный трудъ, при наилучшихъ условіяхъ жизни“ и „цѣлая библіотека матеріяловъ“ („Русскій Архивъ“ стр. 515 и 523), привели автора къ подобнымъ цифрамъ? Печальный результатъ! Не забудемъ, что авторъ ручается за историческую достовѣрность даже разговоровъ историческихъ лицъ. („Русскій Архивъ“ стр. 523).

Росписанія Великой арміи (la Grande armée), отбитыя у французовъ во время ихъ отступленія изъ Россіи, показываютъ, что численность войскъ, вступившихъ въ Россію, во все продолженіе кампаніи, считая въ томъ числѣ осадные и артиллерійскіе парки, фурштатъ, маршевые баталіоны, а также войска, сформированныя въ Литвѣ и резервы, подошедшіе изъ Германіи, не превышала 608,000 человѣкъ; первоначально же въ предѣлы Россіи вступило не болѣе 468,000.

Численность нашихъ трехъ западныхъ армій, противопоставленныхъ Наполеону, въ началѣ войны едва достигала цифры въ 218,000 человѣкъ. Въ продолженіе войны, цифра эта измѣнялась отъ убыли въ

*

дѣлахъ и отъ прибывавшихъ резервовъ, но числительность *всѣхъ* нашихъ армій на *всемъ* громадномъ пространствѣ театра войны никогда не превосходила 250,000.

Затѣмъ авторъ находитъ, что наша армія была предводима „неопытными полководцами". Можно съ увѣренностью сказать, что въ нашей арміи не было ни одного человѣка, который, по способностямъ, могъ бы соперничать съ геніяльнымъ нашимъ противникомъ; но въ замѣнъ того, во главѣ русскаго войска (вопреки автору) стояли люди съ замѣчательною военною опытностью, пріобрѣтенною въ непрестанныхъ войнахъ, которыми отличались царствованія Екатерины, Павла и Александра. Таковы были Барклай, Багратіонъ, Бенигсенъ, наконецъ Кутузовъ. Начальники частей также отличались большимъ знаніемъ своего дѣла и замѣчательною распорядительностью, въ доказательство чего можно привести хоть поведеніе Тучкова 3-го въ сраженіи при Лубинѣ (7-го августа). Въ числѣ же корпусныхъ командировъ были такіе люди какъ Витгенштейнъ, Раевскій, Ламбертъ, Паленъ и др., имена которыхъ, всякому, хотя нѣсколько знакомому съ описываемой эпохой, краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Далѣе, сказавъ, что:

„причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленій къ зимнему походу въ глубь Россіи, а съ другой характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ", авторъ говоритъ, что тогда „никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется очевиднымъ) что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ армія". И далѣе: „*нетолько никто* не предвидѣлъ этого, но всѣ усилія *со стороны Русскихъ* были постоянно устремлены на то, чтобы помѣшать тому, что одно могло спасти Россію".

А такъ какъ, по только-что высказанному рѣшительному мнѣнію графа Толстаго, никто не станетъ спорить, что причиной гибели французовъ (то есть спасенія Россіи) было вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленій къ зимнему походу, въ глубь Россіи и характеръ войны, возбудившій ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ, то, слѣдовательно, всѣ наши усилія были устремлены на то, *чтобы французы вступили въ наши предѣлы пораньше, и приготовились къ зимнему походу*, а также всѣ усилія со стороны русскихъ были постоянно устремлены на то, *чтобы не возбуждалась ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ*. Откуда авторъ почерпнулъ такія интересныя свѣдѣнія, ускользавшія до сихъ поръ изъ рукъ „наивныхъ" историковъ? Не указывать на подобные драгоцѣнные источники и держать ихъ въ своей библіотекѣ сокрытыми отъ обыкновенныхъ смертныхъ—просто грѣшно!

„Со стороны Французовъ, несмотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что должно было погубить ихъ".

Опять драгоцѣнное указаніе! У Наполеона, видите ли, не было никакихъ плановъ: онъ просто хотѣлъ „растянуться въ концѣ лѣта до Москвы". Не ясно ли отсюда, что воля человѣческая ничтожна, что всякое дѣйствіе наше отъ насъ не зависитъ? Просто, почувствовалъ человѣкъ желаніе „устремить всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы"—онъ и повелъ для этого на отдаленный востокъ почти всѣ народы Европы.

Далѣе читаемъ, что

„Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812-мъ г. авторы-Фран-

цузы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже понятна была опасность кампаніи; а авторы-Русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ Скиѳской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи".

И затѣмъ, послѣ обычныхъ разсужденій,

„Нетолько во все время войны, со стороны Русскихъ не было желанія заманить Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію, и не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ, и очень лѣниво, не такъ какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія (стр. 127, 128).

Итакъ, видите ли, историки, конечно въ видѣ развлеченія, *очень любятъ говорить* о томъ, какъ Наполеонъ понималъ опасность растяженія „своей линіи" (авторъ вѣроятно разумѣетъ коммуникаціонную линію), какъ онъ искалъ сраженія и какъ маршалы совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ. Въ сущности же ничего этого не было и Наполеонъ безсознательно шелъ себѣ впередъ, вовсе не понимая того что дѣлаетъ.

Съ авторомъ, конечно, можно было бы согласиться вполнѣ, если бы командовать полумилліонной арміей было такъ же легко, какъ несвѣдущему человѣку судить о дѣйствіяхъ такой арміи: сказалъ, или написалъ что придетъ въ голову и пошелъ, тѣмъ же путемъ, далѣе и далѣе, не оглядываясь назадъ.

Не таково положеніе главнокомандующаго: полумилліонная масса народа не позволитъ идти впередъ безъ оглядки; она поминутно даетъ о себѣ чувствовать. Она хочетъ ѣсть, хочетъ пить, тащитъ за собою до

200,000 лошадей (*), требующихъ громаднаго количества фуража и воды; она должна быть одѣта, обута; наконецъ, требуетъ такой моральной силы, которая преобладала бы надъ духовными силами всего этого полумилліона въ такой мѣрѣ, чтобы вся эта масса слѣпо, и съ самоотверженіемъ, повиновалась одной волѣ, одному человѣку, который ведетъ ее на смерть и за котораго она умираетъ, считая себя счастливою, что можетъ умереть за него (**). И неужели достаточно для этого быть довольнымъ собою, жирнымъ, „выхоленнымъ" бонвиваномъ, каждое утро подставляющимъ свою жирную спину подъ щетки своихъ камердинеровъ?

Нѣтъ! Для этого нужна сила—сила громадная; нуженъ не дюжинный умъ; необходима непреклонная воля. Такой человѣкъ можетъ быть злодѣй, но злодѣй великій.

Если взять въ расчетъ, что цѣлыя тысячи предпринимателей хлопочутъ о продовольствованіи какого-нибудь значительнаго города, если, для облегченія этого продовольствія, пролагаютъ новые пути сообщенія, соединяютъ каналами различные бассейны, и если при всемъ томъ, вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго обстоятельства (напримѣръ распутицы), въ городѣ оказывается иногда недостатокъ въ томъ или другомъ продуктѣ, недостатокъ, который едва восполняютъ устро-

(*) При великой арміи было около 180,000 кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и фурштатскихъ лошадей.

(**) И это не фраза. Подъ Люценомъ, напримѣръ, когда звѣзда Наполеона начинала уже меркнуть, на встрѣчу императору, спѣшившему на поле сраженія, попадались толпы раненныхъ, и даже умирающіе приподнимались на своихъ носилкахъ, провожая его возгласами: „Vive l'Empereur!" (Odeleben. Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe).

енные заранѣе склады, то становится понятнымъ, какихъ неусыпныхъ заботъ требуетъ удовлетвореніе однѣхъ только матеріяльныхъ нуждъ полумилліоннаго населенія, которое не остается на мѣстѣ, но идетъ впередъ и впередъ, по малонаселенной и безплодной странѣ, не представляющей достаточныхъ средствъ для продовольствія такой массы, по дурнымъ, часто едва проходимымъ дорогамъ. Чѣмъ дальше подвигается впередъ подобная армія, тѣмъ продовольствіе и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ (порохомъ, снарядами и т. п.) становится труднѣе и труднѣе, потому что пути, по которымъ идутъ подводы, все болѣе и болѣе удлинняются. Для охраненія этихъ путей отъ посягательствъ противника нужны опять-таки особыя мѣры, иначе ни одна повозка не достигнетъ по своему назначенію — нужны войска для обезпеченія сообщеній. Но отдѣленіе этихъ войскъ ослабляетъ армію въ точкѣ удара, гдѣ рѣшается судьба войны, и потому необходимо соблюдать строгую гармонію: чтобы и сообщенія были обезпечены, и армія не черезъчуръ ослаблена. Сильные умы, чтобы пополнить недостатокъ въ людяхъ, прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ къ особеннымъ мѣрамъ: такъ, въ 1812 году Наполеонъ приказалъ на каждомъ этапѣ устроить прочные блокгаузы, которые могли бы служить защитой для незначительныхъ гарнизоновъ. И несмотря на это, Наполеонъ, вступившій въ предѣлы Россіи почти съ 470,000-й арміей и призвавшій въ разное время, для обезпеченія своего тыла, еще 140,000 человѣкъ, могъ выставить для рѣшенія судьбы войны, въ генеральномъ сраженіи при Бородинѣ, не болѣе 130,000 человѣкъ; въ Москву же прибыло едва 100,000 непріятельскихъ воиновъ.

Полагаемъ, что эти цифры, сами по себѣ, красно-

рѣчивѣе всякихъ доказательствъ, могутъ убѣдить каждаго, что *прогулка*, предпринятая Наполеономъ въ Москву, не была чѣмъ-то въ родѣ partie de plaisir для французскаго императора, а должна была серьезно его озабочивать. Она озабочивала его тѣмъ болѣе, что, отдаляясь отъ своихъ средствъ и видя постоянное и прогрессивное уменьшеніе своей арміи, онъ все-таки не достигалъ своей цѣли: ему не удавалось потрясти русскую армію ни физически, ни морально..

Средствомъ для этого былъ бой. И Наполеонъ настойчиво искалъ его, жертвуя для этой цѣли десятками тысячъ отсталыхъ при форсированныхъ переходахъ, и, несмотря на всѣ его усилія, бой упорно ускользалъ отъ него, хотя и постоянно манилъ за собою.

Но графъ Толстой сомнѣвается, чтобы Наполеонъ искалъ сраженія. Онъ говоритъ, что только историки „любятъ говорить о томъ“, и, нѣсколько далѣе: „Наполеонъ очень лѣниво, не такъ какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія“.

На сколько справедливо это мнѣніе—указаніемъ можетъ служить слѣдующій фактъ: по достиженіи Днѣпра, менѣе чѣмъ черезъ 40 дней похода, войска, бывшія подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона, потеряли, отъ быстрыхъ и трудныхъ маршей, *цѣлую треть* своихъ рядовъ, и едва десятая часть этой потери приходилась на дѣла съ русскими.

Нѣтъ, Наполеонъ постоянно и упорно искалъ боя во весь первый періодъ кампаніи:

Съ самаго вступленія своего на русскую землю, онъ старается разбить по частямъ отдѣльные корпуса 1-й арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ разобщить обѣ наши западныя арміи. Первая армія успѣла соединиться при Дриссѣ—

Наполеонъ дѣлаетъ распоряженія, чтобы отрѣзать ее отъ пути на Москву; но она вòвремя отступила къ Витебску и готова была, казалось, принять сраженіе. Распоряженія для боя уже сдѣланы были Наполеономъ, когда русскіе снова отступили на Смоленскъ, гдѣ соединились со 2-й арміей. Между тѣмъ, благодаря энергіи Багратіона, 2-я армія, считавшая при открытіи кампаніи не болѣе 45,000 человѣкъ, также счастливо избѣгла пораженія, несмотря на то, что съ тыла была преслѣдуема 80,000, подъ начальствомъ короля Вестфальскаго, а съ фланга 50,000, подъ предводительствомъ Даву. По соединеніи нашихъ армій, Наполеонъ расчитываетъ на сраженіе при Смоленскѣ; но и эта надежда не осуществляется.

Настойчивое наступленіе имѣло слѣдствіемъ, какъ мы уже говорили, потерю цѣлой трети личнаго состава наполеоновыхъ войскъ, и потому Наполеонъ скорѣе заслуживаетъ упрека за быстроту своихъ дѣйствій, нежели за медленность ихъ. Дѣйствуя медленнѣе, онъ сохранилъ бы свои войска и, быть можетъ, избѣжалъ бы постигшей его катастрофы.

Слѣдующія выдержки изъ записокъ Тучкова 3-го, попавшагося въ плѣнъ послѣ сраженія при Лубинѣ (7-го августа), и призваннаго къ Наполеону, ясно показываютъ, какъ желалъ Наполеонъ сраженія, какъ понималъ опасность своего положенія и на сколько озабочивало его дальнѣйшее наступленіе къ Москвѣ:

„Скоро ли вы дадите генеральное сраженіе, или будете все отступать?

„Я отвѣчалъ, что намѣренія главнокомандующаго мнѣ неизвѣстны.—Повѣрьте мнѣ, сказалъ Наполеонъ, его нѣмецкая тактика ни къ чему хорошему не дове-

детъ васъ. Ваша нація храбрая, благородная, преданная Государю, должна драться на-чистоту, а не слѣдовать глупой нѣмецкой тактикѣ. Если вы уже расположены были воевать, то почему не заняли Польшу? Это было очень легко, и тогда вмѣсто войны у себя, вы бы вели ее въ чужой землѣ. Да и Пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Вашъ главнокомандующій ничего этого не умѣлъ сдѣлать, а теперь, отступая безпрестанно, опустошаетъ собственную землю. Зачѣмъ онъ оставилъ Смоленскъ?" (*)

И далѣе:

„Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?

„Надѣюсь, отвѣчалъ Тучковъ: я нѣкогда имѣлъ счастіе служить въ гвардіи.

„Можете ли вы писать къ нему?

„Никогда не осмѣлюсь утруждать Его моими письмами, и особливо въ настоящемъ моемъ положеніи.

„Но, если вы не смѣете писать къ Императору, то можете написать къ брату (**), что скажу вамъ?

„Къ брату, дѣло другое. Я къ нему могу писать все.

„И такъ, вы меня очень обяжете, если напишете вашему брату, что вы меня видѣли и что я вамъ поручилъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или чрезъ Великаго Князя, либо главнокомандующаго, какъ найдетъ лучше, доведетъ до свѣдѣнія вашего Государя, что я ничего не желаю болѣе, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороха и довольно пролито крови; вѣдь когда же нибудь надобно кончить!

(*) Понятно, что эти слова Наполеона, врага нашего, краснорѣчивѣе всякой похвалы говорятъ въ пользу образа дѣйствій Барклая.

(**) Тучкову 1-му, командиру 3-го корпуса, убитому подъ Бородиномъ.

За что мы деремся? Я не питаю вражды къ Россіи. Вотъ, еслибъ я имѣлъ дѣло съ Англичанами (parlez moi de cela). Это было бы другое дѣло. (При этихъ словахъ, Наполеонъ, сжавши кулакъ, поднялъ его вверхъ съ угрозою). Но Русскіе мнѣ вовсе не враги. Вы хотите имѣть кофе и сахаръ; вы будете имѣть ихъ. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые наиболѣе имѣютъ у васъ уваженіе, какъ-то: Багратіонъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и прочіе, пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы, мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе вѣроятностей (chances) къ успѣху, то пускай назначатъ, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться; если же они найдутъ, что всѣ выгоды на сторонѣ моей, какъ и дѣйствительно есть, то къ чему намъ по пустому проливать кровь? Не лучше ли вести переговоры прежде потери сраженія, нежели послѣ? Да и какія будутъ послѣдствія проиграннаго вами сраженія? Я займу Москву и какія-бъ я не принималъ мѣры къ сбереженію ея отъ разоренія, все будетъ напрасно. Занятая непріятелемъ столица похожа на дѣвку потерявшую честь; что хочешь дѣлай послѣ, а чести не возвратишь. У васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; это же самое говорили и Австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ ихъ столицу, то они заговорили совсѣмъ другое. И съ вами тоже будетъ".

Надо замѣтить, что подлинность этого разговора не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что Тучковъ 3-й помѣстилъ его цѣликомъ въ письмѣ къ брату, зная, что это письмо будетъ представлено императору Александру и понимая серьезное значеніе его, какъ предложенія о

мирѣ со стороны Наполеона. Притомъ, письмо Тучкова было предварительно прочитано начальникомъ штаба Великой арміи Бертье и, затѣмъ уже, послано въ главную квартиру нашей арміи.

Итакъ, вопреки графу Толстому, Наполеонъ не только сознавалъ самъ опасность своего положенія, но даже рѣшился сознаться въ этомъ передъ своимъ противникомъ въ слишкомъ прозрачной формѣ.

Спросятъ, быть можетъ, зачѣмъ же пошелъ Наполеонъ на Москву? Отвѣтомъ могутъ служить послѣднія слова приведеннаго нами разговора французскаго императора съ Тучковымъ: занятіемъ Москвы онъ надѣялся принудить насъ къ миру, какъ это не разъ уже удавалось ему въ борьбѣ съ государствами западной Европы. Онъ очень хорошо зналъ, что надо нанести противнику сильный физическій ударъ, чтобы, поколебавъ его нравственно, заставить искать мира.

До Смоленска, несмотря на безпрерывное наступленіе, этого удара русскимъ нанесено не было, но до Москвы оставалось съ небольшимъ 350 верстъ; отдать столицу безъ боя, онъ понималъ, мы не могли; успѣхъ этого боя въ глазахъ Наполеона не подлежалъ сомнѣнію, и, ошибочно понимая характеръ Александра и духъ русскаго народа, Наполеонъ надѣялся завоевать себѣ миръ, нанеся намъ послѣдовательно два сильные, физическіе и вмѣстѣ моральные, удара: рѣшительное пораженіе въ генеральномъ сраженіи и занятіе столицы. И— кто знаетъ?—быть можетъ, этотъ расчетъ, несмотря на всю твердость императора Александра, и оправдался бы, если бы сраженіе при Бородинѣ имѣло болѣе рѣшительный результатъ.

Но что Наполеонъ дѣйствовалъ не очертя голову,

что историки не выдумывают, говоря, что „Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи“, что онъ расчитывалъ и на отступленіе,—въ доказательство можно привести переписку его съ командирами оставленныхъ въ тылу корпусовъ. Вотъ образчикъ этой переписки: Si la route de Smolensk au quartier impérial venait à être interceptée, il faudrait la rouvrir sur le champ! il faudrait même que l'armée entière du duc de Bellune s'avancât au devant de nous, si cela était nécessaire, *Je puis ne pas trouver la paix où je vais la chercher*. Mais alors, appuyé sur une réserve aussi forte et aussi bien postée, ma retraite se ferait avec sécurité et rien ne saurait la précipiter“ (*).

Далѣе графъ Толстой говоритъ:

„Не только во все время войны, со стороны Русскихъ не было желанія заманивать Французовъ въ глубь Россіи, но все *было дѣлаемо* для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію“.

Интересно знать, что же именно такое „было дѣлаемо?“ Не можетъ ли разъяснить этого авторъ, а также и указать на источникъ, доставившій ему такія драгоцѣнныя свѣдѣнія?

Сколько же намъ извѣстно, то, съ самаго открытія военныхъ дѣйствій, мы начали отступать и, понимая невозможность одной 1-й арміей остановить непріятеля, благоразумно заботились о соединеніи собственныхъ разбросанныхъ силъ (**).

(*) Fain. I. 360.

(**) Остановку у Дриссы нельзя, конечно, назвать даже попыткой остановить непріятеля, такъ какъ мы даже не выждали прибытія къ этому пункту противника.

„Государь дѣлаетъ упреки главнокомандующимъ за каждый шагъ отступленія“ (стр. 128).

За отступленіе до Дриссы Государь не могъ дѣлать упрековъ, потому что онъ самъ руководилъ дѣйствіями нашихъ армій. Отступленіе отъ Дриссы къ Витебску произведено было также съ его согласія. Отступленіе отъ Витебска къ Смоленску имѣло цѣлью соединеніе нашихъ армій, необходимость котораго императоръ Александръ слишкомъ хорошо понималъ и потому упрекать за это не могъ. Итакъ, не только государь не дѣлалъ упрековъ *за каждый шагъ отступленія*, но онъ не дѣлалъ ихъ вплоть до Смоленска, отстоящаго отъ Нѣмана на 600 слишкомъ верстъ, и только за вялое наступленіе къ Руднѣ и за оставленіе нами Смоленска государь, въ письмѣ къ Барклаю, осуждаетъ его дѣйствія.

„Наполеонъ, разрѣзавъ арміи, движется въ глубь страны и упускаетъ нѣсколько случаевъ сраженія“ (стр. 128).

Мы сочтемъ себя крайне обязанными автору, если онъ укажетъ: какіе это были случаи?

„Въ августѣ мѣсяцѣ онъ въ Смоленскѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы ему идти дальше“ (стр. 128).

Приведенный выше разговоръ Наполеона съ Тучковымъ 3-мъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ противнаго.

„Завлеченіе Наполеона въ глубь страны произошло не по чьему либо плану (ни кто и не вѣрилъ въ возможность этого),

а произошло отъ сложнѣйшей игры интригъ, цѣлей, желаній людей-участниковъ войны, неугадывавшихъ того, что̀ должно быть, и того, что̀ было единственнымъ спасеніемъ Россіи. Все происходитъ нечаянно" (стр. 128, 129).

Еще задолго до начала войны, нѣкоторые проницательные умы, какъ русскій посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ, французскій эмигрантъ графъ д'Алонвилль, наслѣдный принцъ шведскій бывшій маршалъ Франціи Бернадотъ (*) и наконецъ самъ Барклай де-Толли, ясно понимали и высказывали свое мнѣніе, письменно и изустно, что лучшій способъ дѣйствій противъ Наполеона, по способностямъ не имѣвшаго себѣ соперниковъ, заключается въ томъ, чтобы, избѣгая генеральнаго сраженія и сохраняя собственныя средства, истощить средства противника и затѣмъ уже перейти въ наступленіе. Но тѣмъ не менѣе совершенно справедливо, что въ нашей главной квартирѣ не было принято заранѣе обдуманнаго плана для завлеченія непріятеля въ глубину нашего отечества, точно такъ же, какъ совершенно ложно то, что отступленіе наше произошло „отъ сложнѣйшей игры интригъ". Отступленіе было принято просто, какъ очевидная необходимость, какъ слѣдствіе громаднаго численнаго превосходства непріятеля. Будь у насъ больше войскъ—мы не допустили бы, вѣроятно, французовъ безъ боя опустошать наши предѣлы до самаго Бородина; но войскъ было мало и, не смотря на всеобщее желаніе, отъ солдата до генерала, сразиться съ непріятелемъ, хладнокровный Барклай-де-Толли не поддался этому всеоб-

(*) Донесеніе князя Куракина государю; мемуаръ графа д'Алонвилля; письмо наслѣднаго принца императору Александру. (Богдановичъ. Томъ I стр. 79 и 94. Томъ II, стр. 25).

щему настроенію и рѣшился привести въ исполненіе свои давнишніе планы относительно борьбы съ Наполеономъ (*). Онъ совершенно основательно расчитывалъ, что побѣда была невозможна и, что въ случаѣ пораженія, мы теряли всѣ шансы на благопріятный исходъ войны.

„Арміи разрѣзаны при началѣ кампаніи. Мы стараемся соединить ихъ съ очевидной цѣлью дать сраженіе и удержать наступленіе непріятеля, но въ этомъ стремленіи къ соединенію, избѣгая сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и невольно отходя, подъ острымъ угломъ, мы заводимъ Французовъ до Смоленска. Но мало того сказать, что мы отходимъ подъ острымъ угломъ, потому что Французы двигаются между обѣими арміями — уголъ этотъ дѣлается еще острѣе, и мы дальше уходимъ, потому что Барклай-де-Толли, непопулярный Нѣмецъ, ненавистенъ Багратіону (имѣющему стать подъ его начальство) и Багратіонъ, командуя 2 й арміей, старается какъ можно дольше не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду“.

Сознаемся, мы рѣшительно не понимаемъ, что́ хотѣлъ авторъ высказать своими *острыми углами*? Изъ всѣхъ этихъ, вѣроятно глубоко обдуманныхъ стратегическихъ соображеній автора, мы поняли только одно, что Багратіонъ умышленно не присоединялся къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду. Спѣшимъ снять незаслуженное пятно съ почтенной памяти одного изъ героевъ нашей отечественной войны: Багратіонъ, не-

(*) Еще въ 1807 году, раненый въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Барклай говорилъ знаменитому историку Нибуру: „если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы не нашли бы, вмѣсто рѣшительной побѣды, другую Полтаву“.

смотря на все свое желаніе и удивительную энергію, *не могъ* присоединиться къ 1-й арміи ранѣе Смоленска.

Мы уже упомянули, что, съ самаго открытія кампаніи, Наполеонъ рѣшилъ отдѣлить 2-ю армію отъ 1-й, для чего и направилъ изъ Вильны сводный 50-ти тысячный корпусъ подъ начальствомъ Даву; преслѣдованіе же 2-й арміи съ тыла поручилъ королю Вестфальскому. 16-го (французы вступили въ наши предѣлы 12-го) Багратіонъ получилъ предписаніе отступать на Минскъ, и только 18-го—идти на соединеніе съ 1-й арміей черезъ Вилейку. Но 23-го іюня, при переправѣ черезъ Нѣманъ у Николаева, Багратіонъ получилъ свѣдѣнія, что корпусъ Даву, по показаніямъ считавшій 60,000 человѣкъ, готовъ преградить ему дальнѣйшій путь къ соединенію съ 1-й арміей; въ то же время получено было извѣстіе о появленіи непріятеля съ тыла и съ фланга 2-й арміи. Вслѣдствіе этого Багратіонъ рѣшился искать другаго, кружнаго пути, черезъ Новый-Сверженъ и Минскъ, тѣмъ болѣе, что дороги на Вилейку были почти непроходимы для обозовъ, что на этомъ пути не было магазиновъ и что побѣда не давала никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, тогда какъ пораженіе влекло за собою гибель арміи. Будучи снова предупрежденъ непріятелемъ, онъ снова измѣнилъ направленіе и двинулся, чрезъ Несвижъ на Бобруйскъ и Старый-Быховъ, къ Могилеву, съ тѣмъ, чтобы войти въ сообщеніе съ нашей арміей, отступившей въ это время къ Витебску; но и на этомъ пути, Даву, шедшій по кратчайшему направленію, снова предупреждаетъ его. Багратіонъ рѣшается на попытку прорваться открытою силою при Салтановкѣ и, въ то же время, съ рѣдкою предусмотрительностію,

дѣлаетъ распоряженія для устройства моста черезъ Днѣпръ у Новаго-Быхова. Попытка при Салтановкѣ не удалась. Багратіонъ, не теряя энергіи, отступаетъ къ Новому-Быхову, переправляется черезъ Днѣпръ и ищетъ новаго пути для соединенія съ Барклаемъ, на Мстиславль и Смоленскъ, чего и достигаетъ, наконецъ, 22-го іюля, послѣ 36 дней безпрерывныхъ маршей, въ продолженіе которыхъ онъ успѣлъ пройти 750 верстъ, почти безъ магазиновъ, по едва проходимымъ дорогамъ Полѣсья. Заслуги этой у Багратіона никто не отниметъ: онъ не только сохранилъ 2-ю армію, но умѣлъ вселить въ нее такой духъ, что „можно было думать, что оная пространство между Нѣманомъ и Днѣпромъ не отступая оставила, но прошла торжествуя" (выраженіе Ермолова, стр. 75 его записокъ).

Изъ дальнѣйшихъ мнѣній автора, все въ томъ же родѣ какъ и предыдущія, нельзя не остановиться на роли приписываемой Барклаю. Онъ говоритъ, что вслѣдствіе „непопулярности Нѣмца-главнокомандующаго, вытекаетъ нерѣшительность и избѣжаніе сраженія" (стр. 130), между тѣмъ какъ, напротивъ, Барклай потому главнѣйшимъ образомъ и былъ непопуляренъ, что не давалъ сраженія. Авторъ принимаетъ здѣсь слѣдствіе за причину. Барклай является у него игрушкой интригъ и избѣгаетъ сраженія, потому что чувствуетъ себя несвободнымъ „подъ глазами *глазъ государевыхъ*" (стр. 130); но самъ же авторъ говоритъ далѣе, что

„Цесаревичъ намекаетъ на измѣну и требуетъ генеральнаго сраженія" (стр. 130)

и что Барклай входитъ въ открытую борьбу съ Бенигсеномъ и Великимъ Княземъ. Вотъ лучшее доказатель-

ство того, отступалъ ли Барклай потому, что былъ непопуляренъ и самъ не понимая пользы отступленія, или потому, что, вопреки всеобщему мнѣнію, былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости отступленія.

Далѣе, вслѣдъ за отрывкомъ изъ письма Багратіона Аракчееву, въ которомъ высказывается вполнѣ всеобщая ненависть къ непоколебимому Барклаю, авторъ говоритъ:

„Сбираются атаковать Французовъ передъ Смоленскомъ. Посылается генералъ для осмотра позиціи. Генералъ этотъ, ненавидя Барклая, ѣдетъ къ пріятелю, корпусному командиру, и, просидѣвъ у него день, возвращается къ Барклаю и осуждаетъ по всѣмъ пунктамъ поле сраженія, котораго онъ не видалъ“ (стр. 131).

Все это не болѣе какъ произведеніе фантазіи почтеннаго автора. По достиженіи Смоленска, въ виду всеобщаго желанія арміи, мы дѣйствительно пытались перейти въ наступленіе, слѣдствіемъ чего было начало наступательнаго движенія къ Руднѣ, веденнаго весьма вяло, вѣроятно потому, что Барклай принужденъ былъ на него согласиться вопреки своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ; что же касается „сборовъ атаковать Французовъ передъ Смоленскомъ“, равно какъ и остальныхъ исторій, разсказываемыхъ при этомъ авторомъ, то ничего этаго *положительно* не было.

Но покончимъ наконецъ съ первой главой 2-й части 4-го тома, всѣ сокровища которой не исчерпаешь и въ болѣе пространной статьѣ. Читатель, мало-мальски свѣдущій, просто не знаетъ что и подумать, слѣдя за этимъ непрерывнымъ рядомъ легкомысленныхъ, бездоказательныхъ и притомъ въ высшей степени самоувѣренныхъ выводовъ. Недоумѣніе это можетъ быть разрѣшено

развѣ только собственнымъ изрѣченіемъ автора, что „Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобы можно было знать что нибудь“ (стр. 58).

Очевидно, что подобный выводъ о самоувѣренности русскаго сдѣланъ былъ авторомъ на основаніи глубокаго самопознанія.

Перейдемъ къ XIX главѣ, дающей не менѣе интересныя свѣдѣнія.

„Для чего и какъ были даны и приняты сраженія при Шевардинѣ и при Бородинѣ? Для чего было дано Бородинское сраженіе? Ни для Французовъ, ни для Русскихъ оно не имѣло ни малѣйшаго смысла. Результатомъ ближайшимъ было и должно было быть, для Русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы (чего мы боялись больше всего въ мірѣ), а для Французовъ то, что они приблизились къ погибели всей арміи (чего они тоже боялись больше всего въ мірѣ). Результатъ этотъ былъ тогда же совершенно очевиденъ, а между тѣмъ Наполеонъ далъ, а Кутузовъ принялъ это сраженіе“ (стр. 234, 235).

Какъ для французовъ, такъ и для русскихъ, сраженіе въ этотъ періодъ войны сдѣлалось неизбѣжною необходимостью, потому только оно и было дано.

Барклай, не затемненный пылкимъ энтузіазмомъ, увлекавшимъ какъ солдатъ, такъ и генераловъ нашей арміи, избѣгалъ сраженія до послѣдней возможности. До Смоленска это было легко, потому что обѣ арміи еще не успѣли соединиться, и всякому было понятно, что принимать сраженіе безъ 2-й западной арміи, противъ сосредоточеннаго и несоразмѣрно-сильнаго противника, было невыгодно. Но арміи соединились у Смоленска. Повода къ дальнѣйшему отступленію уже не существовало болѣе. Общему желанію необходимо было

наконецъ уступить, вслѣдствіе чего и начато наступленіе къ Руднѣ. Наступленіе это, сочувствовать которому Барклай не могъ, ведено было вяло, и вскорѣ мы принуждены были съ возможною поспѣшностью идти обратно къ Смоленску, гдѣ, перейдя фланговымъ маршемъ на лѣвый берегъ Днѣпра, Наполеонъ едва не предупредилъ насъ и не отрѣзалъ, такимъ образомъ, отъ пути отступленія на Москву.

Общій голосъ русской арміи требовалъ защиты Смоленска; самъ Наполеонъ не сомнѣвался въ предстоявшемъ сраженіи и ожидалъ, что русскіе выступятъ изъ города; но, получивъ извѣстіе, что 2-я западная армія отходитъ по московской дорогѣ, приказалъ, въ три часа пополудни 5-го числа, атаковать городскія стѣны. Благодаря необыкновенно упорной защитѣ, крѣпости стѣнъ и ошибки французовъ, оставившихъ безъ вниманія башни—самые слабые пункты городской ограды, Смоленскъ устоялъ въ тотъ день; однако положеніе наше становилось отъ этого не менѣе опаснымъ.

Еще 5-го числа Наполеонъ велѣлъ отыскать бродъ черезъ Днѣпръ выше Смоленска. Если бы бродъ былъ отысканъ, то Наполеонъ получилъ бы полную возможность захватить нашъ путь отступленія на Москву, отрѣзать отъ южныхъ плодородныхъ губерній и отбросить на сѣверъ, бѣдный средствами для веденія войны. 5-го числа броды черезъ Днѣпръ не были найдены; но ихъ могли найти каждую минуту, и, если бы армія оставалась еще долѣе у Смоленска, ей грозила неизбѣжная гибель. Между тѣмъ успѣшная, семичасовая оборона Смоленска, противъ превосходнаго противника, породила не только въ войскахъ нашихъ, но и въ начальникахъ, крайнюю самоувѣренность. Сраженіе 5-го

числа принимали за блестящую побѣду и полагали, что на слѣдующій день не останется ничего болѣе, какъ нанести непріятелю послѣдній ударъ и погнать его изъ земли русской. Пылкій Багратіонъ письменно требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій, и, даже впослѣдствіи, въ письмѣ къ Аракчееву, упрекалъ Барклай-де-Толли въ томъ, что онъ не воспользовался удобной минутой, а Бенигсенъ, во главѣ нѣкоторыхъ старшихъ генераловъ, лично требовалъ отъ главнокомандующаго отмѣны сдѣланныхъ распоряженій. Только твердость Барклая позволила ему возстановить надлежащія къ себѣ отношенія подчиненныхъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что въ цѣлой русской арміи не было ни одного человѣка, который понималъ и могъ бы вполнѣ оцѣнить виды нашего непопулярнаго главнокомандующаго (*). Тѣмъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ встаетъ передъ нами колоссальная воля Барклая, которому никто изъ современниковъ не сочувствуетъ, котораго всѣ ненавидятъ, почти всѣ считаютъ измѣнникомъ. Одна минута слабости и потворства патріотическому увлеченію, незнающему границъ, могла бы сдѣлать его популярнымъ... И войска встрѣчали бы его не въ нѣмомъ молчаніи, а съ восторгомъ.... И какою легкою цѣною могло быть куплено все это! Цѣною слабости. Но Барклай не поддался соблазну и, всѣми ненавидимый, всего себя положилъ для успѣха того самаго дѣла, за которое его

(*) Ермоловъ, вообще расположенный не въ пользу Барклая, въ запискахъ своихъ, чрезвычайно ясно и опредѣлительно излагаетъ причины, почему атаковать французовъ и даже оставаться подъ Смоленскомъ было бы безуміемъ и, въ то же время, сознается, что самъ онъ опровергая предложеніе Толя атаковать непріятеля, просилъ однако главнокомандующаго еще продержаться въ Смоленскѣ, хотя одинъ только день, что, не представляя никакихъ выгодъ, могло погубить нашу армію.

ненавидѣли (*). Что Барклай дѣйствовалъ такимъ образомъ не зря, а по убѣжденію, доказательствомъ можетъ служить слѣдующая выдержка изъ письма его къ государю:

„Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, не смотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя предъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты".

Однако, избавивъ еще разъ армію отъ гибели подъ Смоленскомъ, самъ Барклай рѣшилъ, что дальнѣйшее отступленіе, безъ боя, невозможно. Въ матеріяльномъ, такъ сказать въ геометрическомъ отношеніи, оно было, конечно, выгодно, потому что усиливало насъ подкрѣпленіями, ослабляло наступающаго непріятеля, принужденнаго оставлять войска для обезпечиванія сообщеній и, такимъ образомъ, уравнивая числительность, давало больше шансовъ на успѣхъ въ неизбѣжномъ столкновеніи; но, кромѣ этихъ ариѳметическихъ расчетовъ, на войнѣ есть другой расчетъ, не менѣе важный — моральная сила войскъ. Въ войскахъ слышался явный ропотъ, начальники дошли до того, что, не смотря на неприступность и холодное обращеніе главнокомандующаго, предъявляли ему открытыя и настойчивыя требованія. Сгущенный паръ, если не дать ему выхода, разрываетъ самыя прочныя оковы—сдерживая еще долѣе народныя

(*) Въ желѣзной волѣ, въ умѣ и въ громадной услугѣ, оказанной Барклаемъ, усыновившему его отечеству, отказать ему никто не имѣетъ права; но князь Болконскій, устами котораго такъ часто говоритъ графъ Толстой, едва удостоиваетъ отозваться о Барклаѣ, какъ объ „очень аккуратномъ нѣмцѣ" (стр. 264).

страсти, можно было расчитывать на конечную деморализацію войскъ. Минута необходимости уступить всеобщему настроенію, наконецъ, настала. Барклай понялъ это во время и рѣшилъ дать сраженіе, тѣмъ болѣе, что страшная численная несоразмѣрность воюющихъ сторонъ, имѣвшая мѣсто въ началѣ кампаніи, къ тому времени значительно уменьшилась.

Въ виду всего этого, начиная отъ самаго Смоленска, Барклай ищетъ позицію для принятія боя: сначала онъ думаетъ остановиться за рѣкой Ужей, при селѣ Усвятьѣ, потомъ у Дорогобужа, наконецъ у Вязьмы.

Самые ярые сторонники боя, какъ Багратіонъ, признали всѣ эти позиціи положительно неудобными для генеральнаго сраженія, и потому всѣ онѣ послѣдовательно были оставлены, пока армія не достигла Царева-Займища. Здѣсь рѣшено было наконецъ дать давно ожидаемое сраженіе, и оно было бы дано, если бы къ арміи не прибылъ Кутузовъ.

Новое впечатлѣніе—прибытія новаго главнокомандущаго—его имя, популярность, нѣсколько удачныхъ словъ, обращенныхъ къ войскамъ, вывели армію изъ того мрачнаго моральнаго настроенія, въ которомъ она находилась. Барклай отступать далѣе уже не могъ—безграничное довѣріе къ новому главнокомандующему доставляло ему возможность снова начать отступленіе.

Хотя ловкій Кутузовъ, заботясь о собственной популярности, обошелся съ ненавидимымъ въ арміи Барклаемъ крайне сухо и даже позволилъ себѣ открыто, при войскахъ, говорить противъ отступленія (*), но онъ одинъ, быть можетъ, изъ всѣхъ русскихъ, своимъ

(*) „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами“. Слова Кутузова по прибытіи къ арміи.

обширнымъ и гибкимъ умомъ оцѣнилъ по достоинству систему Барклая и потому рѣшилъ еще отступить на нѣсколько переходовъ, чтобы еще болѣе ослабить этимъ непріятеля, и еще болѣе усилиться самому.

Оставленіе позиціи у Царева Займища было тѣмъ болѣе полезно, что позиція эта была вовсе не такъ сильна, какъ стараются доказать нѣкоторые иностранцы (*) и что къ арміи подходило подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Милорадовича, численностью въ 15,000 человѣкъ. Когда это подкрѣпленіе присоединилось, рѣшено было остановиться на позиціи у Бородина, куда прибыло еще 10,000 московскаго и смоленскаго ополченія. Никакихъ болѣе подкрѣпленій, до самой Москвы, армія присоединить къ себѣ не могла. Необходимость генеральнаго сраженія была слишкомъ очевидна, какъ нравственное удовлетвореніе народному чувству. Допустить непріятеля безъ боя до Москвы, значило не только деморализовать армію, но и подорвать народное довѣріе къ руководителямъ войны. Все это вполнѣ взвѣсилъ и оцѣнилъ опытный Кутузовъ и, по всѣмъ этимъ причинамъ, рѣшилъ дать Бородинское сраженіе, тѣмъ болѣе, что численность нашихъ армій, включая сюда и иррегулярныя войска, не смотря на потери при Шевардинѣ, возрасла къ этому времени до 121,000, тогда какъ непріятель успѣлъ ослабиться до 130,000 и даже до 125,000 человѣкъ (**).

(*) Въ сочиненіи г. Богдановича (томъ II, стр. 119, 120) можно найти описаніе и оцѣнку позиціи при Царевѣ-Займищѣ.

(**) Въ вѣдомости, поданной Наполеону въ Гжатскѣ 21-го августа, наличный составъ войскъ показанъ въ 126,498 человѣкъ. Дѣла при Гридневѣ и Колоцкомъ монастырѣ, бой при Шевардинѣ, потери отсталыми и оставленіе нѣсколькихъ баталіоновъ въ Гжатскѣ, уменьшили эту численность по крайней мѣрѣ на 10,000 человѣкъ; но, съ дру-

Мы нарочно остановились нѣсколько долѣе на разъясненіи хода событій, чтобы выяснить вполнѣ, на сколько сраженіе было необходимо для насъ, русскихъ, и какой глубокій смыслъ имѣло оно, вопреки легкомысленному мнѣнію автора, что оно не имѣло для насъ „*ни малѣйшаго смысла*“. Нѣтъ, въ подобной войнѣ, какъ война 1812 года и въ подобномъ сраженіи, какъ Бородинское, гдѣ ложится съ обѣихъ сторонъ до 80,000 людей на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ— очертя голову не дѣйствуютъ, а рѣшаются на бой послѣ глубокихъ и зрѣло обдуманныхъ размышленій.

Что Бородинское сраженіе имѣло не меньшій смыслъ для французовъ—это понятно само собою. Если бы они не приняли его, то есть отступили бы, то для чего же тогда было и начинать кампанію? Это бы значило сознаться въ неудачѣ въ то время, когда средства французовъ еще далеко превосходили наши. Мы уже говорили, что генеральное сраженіе было средствомъ для императора французовъ нанести намъ моральный и физическій ударъ; это средство Наполеонъ считалъ на столько сильнымъ и дѣйствительнымъ, что ставилъ его даже цѣлью. И дѣйствительно, если бы подобный ударъ былъ нанесенъ, если бы наша армія была уничтожена, и если бы вслѣдъ за тѣмъ была занята Москва, то, повторяю, весьма можетъ статься, Наполеону удалось бы заключить выгодный миръ. По крайней мѣрѣ, дальнѣйшее продолженіе борьбы, безъ арміи, съ деморали-

гой стороны, присоединеніе корпуса Латуръ-Мобура, дивизіи Пажоля и командъ, высланныхъ для добыванія съѣстныхъ припасовъ, увеличило армію на цифру также не меньшую 10,000; такъ что безошибочно можно сказать, что числительность французской арміи въ Бородинскомъ бою едва превышала 125,000 человѣкъ и ни въ какомъ случаѣ не простиралась за 130,000 человѣкъ.

зованнымъ населеніемъ, было почти невозможно, не смотря на твердую рѣшимость императора Александра.

„Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятной случайностью—потери $^1/_4$ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что, принимая сраженіе и тоже рискуя потерять четверть арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Для Кутузова это было математически ясно, какъ ясно то, что ежели въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрное проиграю, и потому не долженъ мѣняться.

„Когда у противника 16 шашекъ, а у меня 14, то я только на одну восьмую слабѣе его; а когда я промѣняюсь 13 шашками, то онъ будетъ втрое сильнѣе меня" (стр. 235).

Отвѣтомъ на эти соображенія автора можетъ служить вышеизложенный ходъ событій и разъясненіе ихъ. Главнокомандующіе не могли руководствоваться подобными соображеніями, потому что не были на столько ограничены, чтобы все на войнѣ основывать на ариѳметическомъ, а тѣмъ менѣе на шашечномъ расчетѣ. Шашечный расчетъ непримѣнимъ уже потому, что число шашекъ неизмѣнно; на войнѣ же одинъ получаетъ подкрѣпленія, другой—оставляетъ войска для обезпеченія тыла; поэтому, если бы одна сторона, въ виду необходимости и мѣнялась шашками, будучи слабѣе непріятеля, но если бы, въ тоже время, она расчитывала получить подкрѣпленія, тогда какъ непріятель получить ихъ не могъ, а, напротивъ, долженъ былъ оставлять войска для обезпеченія сообщеній, то расчетъ ея былъ бы, все таки, вѣренъ. Такъ было и съ русской арміей, которая, не смотря на то, что въ Бородинскомъ

бою помѣнялась шашками невыгодно для себя—получивъ подкрѣпленія въ Тарутинскомъ лагерѣ, вскорѣ превзошла числительностью армію непріятельскую.

И кто сказалъ автору, что мы „боялись больше всего въ мірѣ погибели Москвы“? Мы дорожили ею какъ нашимъ промышленнымъ, историческимъ и нравственнымъ центромъ; мы не могли отдать ее, не извѣдавъ счастія въ генеральномъ сраженіи — этого требовала честь такого народа какъ русскій и такого государства какъ Россія; но что мы не „боялись больше всего въ мірѣ“ потери Москвы — яснымъ доказательствомъ служитъ то, что мы ее оставили даже безъ боя подъ ея стѣнами, пожертвовавъ ею въ пользу средствъ для дальнѣйшаго веденія и успѣшнаго окончанія войны.

......

„До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ къ двумъ, то есть до сраженія 100,000 къ 120,000, а послѣ сраженія 50 къ 100. А вмѣстѣ съ тѣмъ умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, геніяльный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, теряя *четверть* арміи, и еще болѣе растягивая свою линію“ (стр. 235).

Авторъ ужь черезъ-чуръ свысока обращается съ цифрами. Числительность нашей арміи при Бородинѣ равнялась не 100 тысячамъ, а 121-й тысячѣ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ (104 тысячи регулярныхъ и 17 тысячъ иррегулярныхъ) при 640 орудіяхъ. Числительность непріятеля простиралась не до 120 тысячъ, а отъ 125 до 130 тысячъ при 587 орудіяхъ. Потеря наша при Бородинѣ, считая и разбѣжавшихся, превосходила 50 тысячъ человѣкъ; потеря французовъ—

35 тысячъ человѣкъ. Мало того, авторъ руководствуется слишкомъ оригинальнымъ способомъ при вычисленіи пропорцій: по его словамъ, французы считали до сраженія 120 тысячъ человѣкъ, а послѣ сраженія 100 тысячъ. Изъ этихъ цифръ всякій, полагаемъ, въ правѣ вывести заключеніе, что французы потеряли въ сраженіи $1/6$ часть своихъ силъ; графъ же Толстой отсюда же выводитъ, что они потеряли $1/4$ арміи.

Затѣмъ авторъ, со всеусердіемъ силившійся доказать въ 1-й главѣ 2-й части, что только историки „*любятъ говорить*" о томъ, какъ Наполеонъ понималъ опасность дальнѣйшаго наступленія изъ Смоленска, а что въ дѣйствительности „не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ" (стр. 128), въ 19-й главѣ той же части, на стр. 236, начинаетъ вдругъ утверждать, что Наполеонъ, до Бородина, дѣлалъ „неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры" и не получалъ на нихъ отвѣта.

Какъ же это такъ? То онъ не понимаетъ опасности и, какъ мальчикъ, радуется каждому шагу впередъ, то дѣлаетъ „неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры"! Для чего же онъ ихъ дѣлаетъ?

Но позвольте, какія же это однако „*неоднократныя* заявленія", дѣлаемыя Наполеономъ до Бородина? Историки до того „наивны", что готовы утверждать, будто существовало *одно* лишь подобное заявленіе, это — вышеприведенный разговоръ Наполеона съ Тучковымъ 3-мъ, потому что предшествовавшая поѣздка Балашева, была заявленіемъ со стороны императора Александра, на которое Наполеонъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Мы вполнѣ увѣрены, что графъ Толстой при-

ведетъ неопровержимыя доказательства своихъ словъ и прольетъ свѣтъ на насъ бѣдныхъ, во тьмѣ блуждающихъ.

Пропустивъ, также совершенно новое открытіе, принадлежащее лично графу Толстому, будто бы Наполеонъ „зналъ, что занятіе Москвы не будетъ концомъ кампаніи" (стр. 235 и 236), а также повтореніе уже разъ высказаннаго мнѣнія, но повтореніе въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, что „принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступали непроизвольно и *безсмысленно*", перейдемъ ко 2-й половинѣ XIX главы, трактующей о Бородинской позиціи и Шевардинскомъ боѣ.

Авторъ начинаетъ съ того, что безцеремонно навязываетъ *всѣмъ* историкамъ слова, въ которыхъ виновны лишь нѣкоторые иностранцы, намѣренно называющіе Бородинскую позицію весьма сильною, чтобы оправдать такимъ образомъ недостаточность результата, достигнутаго Наполеономъ при Бородинѣ. Авторъ говоритъ:

„*Всѣ* историки описываютъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

„Русская армія, будто бы, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска, отъискивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена будто бы у Бородина.

„Русскіе будто бы укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе".

Сколько намъ извѣстно, большая часть историковъ, напротивъ того, находитъ, что позиція при Бородинѣ почти вовсе не была укрѣплена въ томъ мѣстѣ, гдѣ непріятель атаковалъ насъ: едва успѣли мы набросать, наканунѣ сраженія, три флеши впереди селенія Семенов-

скаго, да люнетъ на курганѣ (батарея Раевскаго), и тѣ не были еще вполнѣ окончены. Въ подтвержение сошлемся хоть на сочинение Богдановича (Томъ II, стр. 142 и 143). Что руководило нашей армией при отступлении отъ Смоленска до Бородина: единственно ли желание отыскать позицию, или и другия причины—читатель уже знаетъ изъ пояснений, сдѣланныхъ нами выше, и, смѣемъ увѣрить, что пояснения эти не принадлежатъ нашей фантазии, но основаны на историческихъ указанияхъ.

Такъ какъ графъ Толстой утверждаетъ, что и онъ основывается на показанияхъ историковъ и такъ какъ не вѣрить ему мы не имѣемъ права, то остается одно: пожалѣть, что онъ былъ не слишкомъ разборчивъ при выборѣ источниковъ. Натурально, что историки въ этомъ не виноваты ни мало, потому что и въ ихъ средѣ, какъ и во всякой, легкомысленные люди неизбѣжны.

Навязавъ *всѣмъ* историкамъ мнѣние, принадлежащее развѣ очень немногимъ изъ нихъ, графъ Толстой начинаетъ весьма усердно опровергать его, что, конечно, дѣло слишкомъ не трудное; но усердие увлекаетъ автора за предѣлы истины. Онъ говоритъ:

„Русские не отъискивали лучшей позиции; а напротивъ въ отступлении своемъ прошли *много* позиций, которыя были лучше Бородинской“ и далѣе: „фактъ тотъ,—что прежния позиции были сильнѣе“ (стр. 237).

Откуда добытъ этотъ фактъ? Позиция при Бородинѣ была, нѣтъ спора, позиция не сильная, но чтобы предыдущия были сильнѣе ея—мы этого не слыхали. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Блессонъ, восхваляли, правда, неприступность позиции у Царева-Займища, но самъ Барклай-де-Толли, какъ и остальные очевидцы (Ермоловъ), не придавали ей такого значения,

хотя и находили ее сильнѣе предыдущихъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы даже позиція при Царевѣ-Займищѣ и была нѣсколько сильнѣе Бородинской, принять бой при Бородинѣ было все таки выгоднѣе, потому что мы расчитывали присоединить, и дѣйствительно присоединили, 15,000 резервовъ Милорадовича и 10,000 ополченія, въ то время какъ непріятель, наступая, долженъ былъ еще болѣе ослабиться (*). Что же касается остальныхъ позицій, то онѣ положительно *никуда не годились*, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы и записки Ермолова, жаркаго сторонника боя.

Будучи вполнѣ безпристрастны, спѣшимъ отдать справедливость автору: указаніе его, что Бородинская позиція избрана была первоначально непосредственно за рѣкой Колочей, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрно. До послѣдняго времени *почти* всѣ историки упускали это обстоятельство изъ вида, чего нельзя, впрочемъ, сказать о всѣхъ поголовно. Такъ Ермоловъ, въ запискахъ своихъ, весьма опредѣлительно говоритъ, что первоначальная позиція была занята за рѣкою Колочею, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Шевардино; точно такимъ же образомъ описывалась Бородинская позиція, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при разборѣ кампаніи 1812 года, съ каѳедры въ Академіи Генеральнаго Штаба, что можетъ подтвердить сотня слушателей. Дѣло излагалось такимъ образомъ (**).

Первоначальная позиція при Бородинѣ занята была непосредственно за рѣкою Колочею, упираясь правымъ флангомъ въ лѣсъ, обнесенный засѣками и усиленный

(*) Въ Гжатскѣ, напримѣръ, оставлено французами нѣсколько батальоновъ.

(**) Конечно мы предлагаемъ здѣсь только краткое извлеченіе.

укрѣпленіями, а лѣвымъ—въ высоту у селенія Шевардина, заблаговременно обезпеченную сильнымъ редутомъ. Позади лѣваго фланга находился пересохшій ручей, называемый въ запискахъ Ермолова рвомъ, затруднявшій сообщенія лѣваго фланга съ резервомъ. Объѣзжая позицію, утромъ 24-го числа, Кутузовъ замѣтилъ этотъ недостатокъ и приказалъ отклонить лѣвый флангъ, такъ чтобы пересохшій ручей былъ не въ тылу, а впереди нашихъ войскъ. Войска еще не успѣли исполнить предписаннаго передвиженія, какъ непріятель появился впереди нашего лѣваго фланга и атаковалъ редутъ, что заставило насъ защищать его, *чтобы дать возможность лѣвому крылу отступить въ порядкѣ на вновь избранную позицію*. Съ окончаніемъ этого передвиженія, оборона редута становилась излишнею, но, оборонявшій его князь Горчаковъ 2-й, военныя способности котораго далеко не соотвѣтствовали личной его храбрости, продолжалъ защищать редутъ и тогда, когда надобность въ томъ уже миновалась. Такимъ образомъ произошелъ упорный бой, продолжавшійся до самой ночи и извѣстный подъ именемъ Шевардинскаго боя. Мы потеряли въ немъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но нельзя сказать, чтобы онъ не принесъ намъ пользы; напротивъ того: мы увидѣли ясно, что главную массу силъ Наполеонъ переправилъ на правую сторону рѣки Колочи и что, слѣдовательно, отсюда, на нашъ лѣвый флангъ, надо ожидать главнаго удара, тогда какъ до этого времени мы опасались преимущественно за правый свой флангъ, гдѣ и массировали бóльшую часть войскъ. Такимъ образомъ Шевардинскій редутъ случайно игралъ роль какъ бы передоваго пункта (*), по-

(*) Передовые пункты позиціи избираются съ тѣмъ, чтобы разъяс-

чему бо́льшая часть историковъ и принимаетъ его за передовой пунктъ избранный заранѣе, съ цѣлью разъяснить намѣренія французскаго главнокомандующаго.

Эти указанія совершенно сходятся съ записками Ермолова (стр. 151—154) и, какъ кажется, съ истиной, но разнятся съ расказомъ графа Толстаго, который, сказавъ, что Шевардинскій редутъ составлялъ лѣвый флангъ нашей позиціи, продолжаетъ такъ:

„Наполеонъ, выѣхавъ 24-го къ Валуеву, не увидалъ (какъ говорится въ исторіяхъ) позицію Русскихъ отъ Утицы къ Бородину (онъ не могъ увидать эту позицію, потому что ея не было), и не увидалъ передовой постъ Русской арміи, а наткнулся въ преслѣдованіи Русскаго арьергарда на лѣвый флангъ позиціи Русскихъ, на Шевардинской редутъ, и неожиданно для Русскихъ перевелъ войска черезъ Колочу. И Русскіе, не успѣвъ вступить въ генеральное сраженіе, отступили своимъ лѣвымъ крыломъ изъ позиціи, которую они намѣревались занять и заняли новую позицію, которая была не предвидѣна и не укрѣплена“ (стр. 238).

Очевидно, что графъ Толстой не вполнѣ уяснилъ себѣ, какъ атакуются позиціи, избираемыя для генеральнаго сраженія и какимъ образомъ онѣ обороняются. Если бы мы не рѣшили заранѣе отклонить нашъ лѣвый флангъ, то, конечно, Наполеону неудалось бы овладѣть Шевардиномъ, атакуя этотъ пунктъ только незначительною частью своихъ силъ: пока онъ переводилъ войска черезъ Колочу, стягивалъ ихъ изъ походныхъ колоннъ и вводилъ въ дѣло, мы, очевидно, имѣли полную возмож-

---

нить намѣренія противника; для достиженія этой цѣли при Бородинѣ „казачьяго разъѣзда“ вопреки мнѣнію автора (стр. 237), было недостаточно, по той простой причинѣ, что онъ былъ бы прогнанъ разъѣздами непріятельскими, составляющими, вмѣстѣ съ передовыми постами, неизбѣжную завѣсу всякой значительной арміи.

ность подвести сюда вполнѣ готовые къ бою резервы и, сосредоточивъ превосходныя силы, перейти даже въ наступленіе. Такимъ образомъ мы могли даже нанести пораженіе части французской арміи, успѣвшей переправиться черезъ Колочу; Шевардинскій же редутъ, роль котораго въ первоначально занимаемой нами позиціи была чрезвычайно важна, ни въ какомъ случаѣ не былъ бы 24-го числа уступленъ непріятелю. Не забудемъ, что хотя, вслѣдствіе отклоненія лѣваго фланга позиціи, оборона редута и не имѣла для насъ большой важности, мы все таки продержались въ немъ до самой ночи. Чего же можно было ожидать, если бы съ обороной его было связано удержаніе едва ли не самаго главнаго пункта позиціи, избранной для генеральнаго боя?

Послѣдующія разсужденія автора (стр. 240) опровергаются сами собою; намъ только остается обратить вниманіе на мнѣніе, будто-бы:

„Русскіе военачальники *не хотѣли* или *не успѣли начать* тогда же 24-го вечеромъ генеральнаго сраженія".

Если разъ избрана позиція для генеральнаго сраженія, то военачальники не могутъ хотѣть или не хотѣть защищать ее, но защищаютъ до послѣдней возможности; точно также обороняющійся *не начинаетъ* боя и потому не можетъ *не успѣть* начать его. Не успѣть начать боя можетъ наступающій; обороняющійся же, разъ позиція имъ избрана заранѣе, долженъ быть всегда готовъ и, въ дѣйствительности, всегда бываетъ готовъ оборонять каждый пунктъ этой позиціи, особенно такой важный пунктъ, какимъ былъ бы въ данномъ случаѣ Шевардинскій редутъ.

Конецъ XIX главы, въ которой доказывается, что

„*во все время* сраженія Русскіе имѣли противъ всей французской арміи, направленной на наше лѣвое крыло, вдвое слабѣйшія силы", опровергается вполнѣ уже тѣмъ фактомъ, что общею численностью мы немного уступали французамъ, и что почти вся наша армія (кромѣ резервной артиллеріи, забытой у Псарева и нѣсколькихъ батальоновъ праваго фланга) приняла участіе въ дѣлѣ, тогда какъ Наполеонъ не вводилъ въ бой ни старой, ни молодой своей гвардіи. Если же, на нѣкоторыхъ пунктахъ и въ нѣкоторые періоды боя, мы были слабѣе непріятеля, то это неизбѣжно случается во всякомъ сраженіи, и вотъ тутъ-то и проявляется значеніе главнокомандующаго, отъ распорядительности котораго зависитъ сосредоточить превосходныя силы именно на томъ пунктѣ, гдѣ рѣшается участь боя. И если бы мнѣніе автора, что „*во все время сраженія*" на рѣшительномъ пунктѣ мы имѣли „*вдвое слабѣйшія силы*", было справедливо, то этотъ фактъ служилъ бы самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ его же собственнаго мнѣнія, будто бы роль Наполеона при Бородинѣ была ничтожна.

Когда Наполеонъ послѣ блестящей кампаніи 1796-97-го годовъ предсталъ передъ Директорію, и она, восхваляя его дѣйствія, упомянула, что французы побѣждали непріятеля не смотря на то, что были слабѣе его, онъ отвѣчалъ, что французы, хотя и уступали австрійцамъ общею численностью, но при всѣхъ рѣшительныхъ встрѣчахъ имѣли на своей сторонѣ численное превосходство. И это была правда. Въ этомъ то и заключается искусство главнокомандующаго, ключъ къ побѣдамъ, потому что тысяча храбрыхъ солдатъ, при непосредственномъ столкновеніи, никогда не побѣдитъ двухъ тысячъ такихъ же храбрыхъ, такъ же вооруженныхъ и дисци-

плинированныхъ, если, конечно, мѣстность не представляетъ какихъ нибудь особенностей.

При Бородинѣ же мѣстность, т. е. позиція наша—была не сильна, вооруженіе и дисциплина противниковъ—были одинаковыя, опытностью—французы превосходили насъ, а о храбрости одинъ изъ русскихъ участниковъ сраженія говоритъ что „если бы воины обѣихъ сторонъ, забывъ „на время вражду своихъ повелителей, предстали на другой день передъ алтарь правды, то слава, конечно, признала бы ихъ братьями".

II.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію Бородинскаго сраженія, полагаемъ необходимымъ остановиться на мнѣніи автора, что все на войнѣ—дѣло случая, что роль главнокомандующихъ—ничтожна, что выборомъ позицій и предварительными распоряженіями для боя — люди только сами себя тѣшатъ, дѣлу же не помогаютъ нимало и т. д., и т. д.

Мысли эти частью высказываются непосредственно самимъ авторомъ, частью влагаются имъ въ уста князя Болконскаго; но что авторъ съ нимъ соглашается вполнѣ— это ясно изъ того, что онъ, такъ часто высказывающійся отъ своего собственнаго имени, ни разу не опровергаетъ Болконскаго ни самъ лично, ни ходомъ событій, ни въ разговорахъ его съ другими дѣйствующими лицами. Напротивъ того, мысли Болконскаго никогда не оказываются несостоятельными, въ спорахъ онъ всегда выходитъ побѣдителемъ и убѣждаетъ другихъ, бывшихъ первоначальнаго противнаго мнѣнія, а разсужденія

автора не только не противорѣчатъ, но какъ бы дополняютъ и поясняютъ мысли князя Болконскаго о ходѣ историческихъ событій и о способахъ веденія войны. Впрочемъ, мы отнюдь не намѣрены навязывать автору всѣхъ словъ премудраго князя. Мнѣнія его, напримѣръ, о томъ, что не слѣдуетъ брать плѣнныхъ, или, что не слѣдовало уступать непріятелю Смоленска, быть можетъ, не принадлежатъ лично автору; по крайней мѣрѣ въ устахъ Болконскаго они могутъ быть объяснены тѣми потерями, которыя были сопряжены для него съ отечественной войной. Поэтому, повторяемъ, мы будемъ останавливаться лишь на тѣхъ мысляхъ Болконскаго, которыя до очевидности дополняютъ собственныя мнѣнія графа Толстаго. Но на случай, если бы авторъ не признавалъ солидарности съ своимъ героемъ, при разборѣ мы будемъ относиться не къ автору лично, а къ князю Болконскому, такъ какъ цѣль наша вовсе не заключается въ томъ, чтобы оппонировать непремѣнно графу Толстому, но чтобы опровергнуть ложныя идеи и ошибочныя фактическія указанія, которыми переполненъ трудъ автора.

На страницѣ 64-й князь Болконскій находитъ, что предлагаемые въ 1812 году планы были

„и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе“ И „какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны!“ и побѣжитъ, а есть весе-

лый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ: „ура!“ отрядъ въ пять тысячъ стóитъ тридтцати тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда пятдесятъ тысячъ бѣгутъ передъ восемью тысячами, какъ подъ Аустерлицемъ. Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во *всякомъ практическомъ дѣлѣ*, ничто не можетъ быть определено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ определяется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ“.

Начнемъ съ того, что мы рѣшительно не можемъ согласиться будто бы „во всякомъ практическомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть опредѣлено“. Дѣлать бумагу, напримѣръ, на которой мы пишемъ, или чернила, или свѣчи, все это принадлежитъ къ дѣятельности чисто практической, и между тѣмъ всѣ условія этой дѣятельности могутъ быть опредѣлены совершенно точно: взялъ, напримѣръ, чернильныхъ орѣшковъ, употребилъ ихъ извѣстнымъ образомъ, и выйдутъ чернила—не вино и не квасъ, а непремѣнно чернила; то же самое и относительно производства бумаги, свѣчей, сапогъ, столовъ, домовъ и т. п., все это—дѣятельности чисто-практическія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ нихъ можетъ быть вполнѣ точно опредѣлено; оттого у хорошаго архитектора сводъ не провалится, а у хорошаго сапожника сапоги не жмутъ и не порятся.

Многія отрасли военнаго дѣла также подчинены опредѣленнымъ законамъ и поддаются самому строгому научному изученію; таковы, напримѣръ: техническая часть инженернаго искусства и артиллеріи, организація войскъ, хозяйство ихъ и т. д.; слѣдовательно отрицать возможность научнаго изученія военнаго дѣла, какъ это дѣлаетъ князь Болконскій, нельзя. Тѣмъ не менѣе, военное дѣло не можетъ быть поставлено въ

параллель со всякимъ практическимъ дѣломъ, Въ немъ, дѣйствительно, предвидѣть заранѣе всѣ случайности — невозможно.

Слѣдуетъ ли однако выводить изъ этого заключеніе, что надо положиться во всемъ на волю Божію и самому не предпринимать ничего, на томъ основаніи, что непредвидѣнныя случайности неизбѣжны? Разсуждая такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что не зачѣмъ сѣять хлѣбъ, такъ какъ предвидѣть заранѣе урожая невозможно. Но мы трудимся, пашемъ землю, рискуемъ зерномъ и, хотя не убѣждены въ урожаѣ, стараемся обработывать почву такъ, чтобы возможно болѣе уменьшить неблагопріятные шансы, и шансы эти дѣйствительно уменьшаются пропорціонально увеличенію знаній, искусства и труда.

Такъ и на войнѣ: нѣтъ сомнѣнія, всякій планъ представляетъ случайности (*); но одинъ представляетъ ихъ болѣе, другой менѣе; одинъ позволяетъ парировать случайности, другой дѣлаетъ васъ рабомъ ихъ. Разбросайте вашу армію на всемъ протяженіи обширныхъ границъ, и, если непріятель не сдѣлаетъ той же ошибки, вы нигдѣ не въ состояніи будете дать надлежащаго отпора и будете разбиты по частямъ, или принуждены, съ перваго же шага, искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи; напротивъ того, держите войска свои въ совокупности, и, если бы непріятель перешелъ даже вашу границу, онъ все же не углубится внутрь страны, а обратитъ прежде вниманіе на васъ, такъ какъ вы представляете силу, могущую во всякое время на него

(*) О случайностяхъ во время боя и о томъ, какъ неблагопріятныя случайности, въ весьма значительной степени, парируются воспитаніемъ войскъ и довѣріемъ ихъ къ вождю, мы поговоримъ ниже.

обрушиться. Это примѣры грубые, приведенные нами только для наглядности. Возьмемъ примѣръ историческій, изъ 1812 года.:

Болконскій говоритъ, что *всѣ планы были одинаково хороши и дурны*. Но что было бы съ нашей арміей, если бы мы приняли наступательный планъ дѣйствій противъ непріятеля втрое сильнѣйшаго? И который планъ представлялъ болѣе вѣроятностей для успѣха: наступательныя ли дѣйствія съ такими сравнительно слабыми силами, каковы были у насъ, или отступленіе внутрь страны до тѣхъ поръ, пока непріятель не ослабится и не потеряетъ своего огромнаго численнаго превосходства? Очевидно, кажется, для всякаго, что послѣдній планъ представлялъ больше шансовъ на возможность успѣха. Но спросятъ, быть можетъ: отчего же современники не поголовно и не сразу пришли къ подобному заключенію? Совершенно понятно: отъ того, что выполненіе этого плана, представляя болѣе шансовъ на успѣхъ, сопряжено было однако съ тяжкими пожертвованіями, съ необходимостью уступить непріятелю громадное пространство родной земли, гдѣ у многихъ были оставлены жены, дѣти, имущество. Это было противно и любви къ родинѣ, и воинской чести, и народной гордости.

Вслѣдъ затѣмъ Болконскій, основываясь на своихъ умозаключеніяхъ, возстаетъ противъ названія «*геній военный*».

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ опредѣлить значеніе слова „геній". Если разумѣть подъ нимъ нѣчто сверхъестественное, то геніевъ, конечно, нѣтъ: ни военныхъ, ни музыкальныхъ, ни литературныхъ. Если же понимать подъ этимъ просто человѣка, способности и дѣя-

тельность котораго далеко выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, то не вижу причины, почему дѣлать исключеніе для геніевъ военныхъ. Но вотъ Болконскій объяснитъ намъ это:

„Не только генія (*) и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно *хорошему* полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ—любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, *твердо увѣренъ въ томъ*, *что то*, *чтò онъ дѣлаетъ*, *очень важно* (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ *храбрый* полководецъ" (стр. 64).

Прежде всего насъ останавливаетъ тождественность въ глазахъ князя, *хорошаго* полководца съ *храбрымъ* полководцемъ. Храбрость, въ войскахъ понюхавшихъ уже пороха,—добродѣтель до того обыденная, что главнокомандующаго ею никто не отличаетъ. Что главнокомандующій долженъ быть храбръ до полнѣйшаго, спокойнаго самообладанія—это разумѣется само собою; но между храбрымъ человѣкомъ и хорошимъ главнокомандующимъ—такая безграничная бездна, что первыхъ въ каждой войнѣ насчитываютъ тысячами, послѣдніе же являются вѣками.

Что полководцы не должны быть непремѣнно чужды поэзіи и философіи—доказательствомъ можетъ служить Фридрихъ Великій, одинъ изъ величайшихъ военныхъ и вмѣстѣ государственныхъ геніевъ всѣхъ вѣковъ. А что многіе воины не чужды любви, нѣжности и являются самыми мягкими, кроткими людьми въ семейномъ быту и самыми скромными въ обществѣ—это, полагаемъ, извѣстно всякому, точно такъ же какъ и то, что марсы

(*) Что разумѣется здѣсь подъ словомъ геній—неизвѣстно.

мирнаго времени далеко не бываютъ таковыми въ военное. Но почему князь Болконскій полагаетъ, что если человѣкъ „*твердо увѣренъ въ томъ, что то что онъ дѣлаетъ очень важно*", то онъ уже геніемъ быть не можетъ—понять это мы рѣшительно отказываемся. Значитъ геніяльный поэтъ, или музыкантъ, долженъ быть непремѣнно убѣжденъ, „что то, что онъ дѣлаетъ" — вздоръ, ничего не стоющій; если же онъ противнаго убѣжденія, то онъ теряетъ право на генія!!! Или, быть можетъ, князь Болконскій дѣлаетъ исключеніе для одного военнаго генія? Въ такомъ случаѣ, неужели, допуская музыканта сознавать важность его призванія, онъ требуетъ отъ полководца смотрѣть слегка, какъ на пустяки, на дѣло, отъ котораго зависятъ честь и интересы его отечества, тысячи жизней, ввѣренныхъ его опытности и искусству?...

Въ другомъ мѣстѣ Болконскій говоритъ:

„лушіе генералы, которыхъ я зналъ—глупые или разсѣянные люди. Лучшій Багратіонъ—самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ".

Нѣтъ, мнѣніе, что лучшіе генералы—глупые люди, что самъ Бонапарте—не болѣе какъ глупый человѣкъ, съ самодовольнымъ и ограниченнымъ лицемъ, подобное мнѣніе могло придти въ голову только князю Болконскому! Не помнимъ, въ какую часть тѣла князь былъ раненъ подъ Аустерлицемъ; но, во всякомъ случаѣ, подобныя мнѣнія мы приписываемъ послѣдствіямъ его тяжкой раны, и, какъ съ человѣкомъ, находящимся не въ нормальномъ состояніи, спорить съ нимъ не будемъ.

И что за странное смѣшеніе понятій: лучшіе гене-

ралы, и хорошіе полководцы, и храбрые полководцы, и Багратіонъ, и Бонапарте?! Можно быть хорошимъ генераломъ, прекраснымъ дивизіоннымъ или корпуснымъ командиромъ и въ то же время никуда не годиться въ роли главнокомандующаго. Таковы были: Ней, Мюратъ, Удино, наконецъ, современный намъ, Бенедекъ. Корпусному командиру—кромѣ обыкновеннаго ума, личной храбрости, опытности и заботливости о подчиненныхъ—нуженъ только тотъ священный огонь, который обаятельно дѣйствуетъ на массы и позволяетъ руководить ими въ самыя критическія минуты; но главнокомандующему, этихъ качествъ, встрѣчающихся, замѣтимъ между прочимъ, далеко не часто въ надлежащей гармоніи, недостаточно. Здѣсь необходимъ обширный умъ, непреклонная воля и самыя разностороннія способности, и такими способностями, дѣйствительно, отличались всѣ великіе полководцы: Александръ, Аннибалъ, Цезарь, Фридрихъ и наконецъ Наполеонъ. И каковы же должны были быть современники Наполеона, если онъ, изъ безвѣстнаго корсиканца сдѣлавшійся императоромъ, былъ не болѣе какъ самодовольнымъ глупцомъ? И отчего же до сихъ поръ, даже люди вовсе ему не симпатизирующіе, но знакомые близко съ той эпохой, удивляются ему не только какъ полководцу, но и какъ законодателю?

„Понятно, что изстари еще для нихъ (для полководцевъ) поддѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть“ (стр. 65).

Отчего же изъ полководцевъ всѣхъ временъ насчитываютъ не болѣе десятка геніяльныхъ, тогда какъ главнокомандующихъ, пользовавшихся властью, было без-

численное множество? И отчего Тюрена, или Евгенія Савойскаго, называютъ геніальными полководцами, а Людовика XIV, который, несомнѣнно, пользовался бóльшею властью, или Франциска I, который притомъ и самъ командовалъ арміями, геніями не называютъ? Въ виду этихъ фактовъ „*понятное*“ для князя, для насъ становится, сознаемся, совершенно непонятнымъ.

Страница 265-я:

„Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужь меньше всего отъ позиціи“.

— „А отъ чего же?

— „Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ, (князь Болконскій указалъ на Тимохина)—въ каждомъ солдатѣ“.

„Князь Андрей взглянулъ на Тимохина, который испуганно и недоумѣвая смотрѣлъ на своего командира“.

Мы мнѣнія совершенно противнаго княжескому. Чувство, на которое указываетъ Болконскій, и которое графъ Толстой, на стр. 267, называетъ „теплымъ патріотизмомъ“, всего менѣе оказываетъ вліянія на участь боя, потому что на войнѣ ничего сверхъестественнаго человѣкъ сдѣлать не можетъ, а дѣлаетъ только то, что въ его силахъ. Все же возможное хорошо-воспитанный солдатъ сдѣлаетъ и безъ патріотизма, въ силу чувства долга и дисциплины. Согрѣты войска патріотизмомъ—хорошо; но и отсутствіе его, или какой бы то ни было воодушевляющей идеи, не заставитъ войска драться менѣе храбро. Такъ дралась наша армія противъ венгровъ, не сочувствуя австрійцамъ, а, напротивъ, сим-

патизируя своимъ противникамъ; такъ французская армія служитъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего повелителя и сегодня дерется за итальянцевъ, а завтра готова драться противъ нихъ.

Солдатъ регулярной арміи (понимаемъ это слово въ широкомъ значеніи) есть, прежде всего, ремесленникъ. Таковъ Тимохинъ, прекрасный, то-есть вполнѣ правдивый типъ, выведенный авторомъ. Онъ человѣкъ ограниченный; не разсуждаетъ, не кипятится, какъ Болконскій; онъ даже не понимаетъ о чемъ тотъ говоритъ; онъ не ожесточенъ противъ врага, не воодушевленъ патріотизмомъ; онъ просто—ремесленникъ, но, въ дѣлѣ, такой ремесленникъ стóитъ героя.

Если же дисциплинированная армія должна быть и есть, прежде всего, собраніе ремесленниковъ, то и успѣхъ ея дѣйствій, вопреки мнѣнію князя Болконскаго, зависитъ, прежде всего, отъ искусства ремесленниковъ, числительности ихъ, *инструментовъ* для уничтоженія противника, мѣстныхъ условій, наконецъ отъ качествъ военачальника и отъ духа войскъ, который является слѣдствіемъ организаціи, обученія, боевой опытности, матеріяльнаго благосостоянія и степени довѣрія къ вождю. Поэтому, какъ бы высоко ни стояла моральная сторона вооруженныхъ патріотовъ, они никогда не выдержатъ боя съ регулярными солдатами, если только послѣдніе не слабѣе числительностью, если въ челѣ ихъ стоитъ порядочный вождь и если мѣстность не представляетъ какихъ-нибудь особенностей.

Историческихъ примѣровъ того, какъ самый горячій патріотизмъ разбивался объ одно искусство противника, неговоря уже о мѣстности, вооруженіи и числительности (вліяніе которыхъ отвергаетъ князь Болконскій), такъ много

что всякій можетъ насчитать ихъ десятками. О томъ же, какъ всѣ эти условія парализируются иногда умственной дѣятельностью одного лица, что совершенно отвергаетъ графъ Толстой, мы будемъ говорить ниже.

За разговоромъ Болконскаго съ Пьеромъ, графъ Толстой, приступая къ очерку дѣятельности Наполеона наканунѣ и въ самый день Бородинскаго сраженія, начинаетъ съ показыванія его „толстой, жирной, обросшей волосами“ спины и „выхоленнаго тѣла“. Усладивъ читателя симъ зрѣлищемъ, Наполеонъ принимаетъ Фабвье и Боссе и, съ *обычной ему аффектаціей* (по графу Толстому) считаетъ за наиболѣе приличное изобразить на лицѣ своемъ нѣжность при взглядѣ на портретъ сына. Послѣ затрака онъ диктуетъ приказъ по арміи, что дѣлаетъ (великодушно замѣчаетъ графъ Толстой) „сразу, безъ поправокъ“; наконецъ садится на коня и ѣдетъ осматривать позицію. Послѣднему, впрочемъ, авторъ, какъ кажется, довѣряетъ не вполнѣ и дѣлаетъ оговорку, что такъ „говорятъ историки“ (стр. 276).

Мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было замѣчаній по поводу жирной спины, ея вспрыскиванья одеколонемъ и другихъ интересностей *XXVI* главы, отвѣчая на все это весьма мудрой французской поговоркой: „Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre“, и перейдемъ къ слѣдующимъ главамъ, въ которыхъ авторъ снова напускаетъ на себя строгій тонъ судьи.

XXVII главу авторъ начинаетъ съ того, что для опредѣленія пункта атаки вовсе

„не нужно было много соображеній, не нужно было такой заботливости и хлопотливости императора и его маршаловъ, и вовсе не нужно той особенной, высшей способности, назы-

ваемой геніяльностью, которую такъ любятъ приписывать Наполеону; но историки, впослѣдствіи описывавшіе это событіе, и люди, тогда окружавшіе Наполеона, и онъ самъ, думали иначе (стр. 277).

Видите ли, какіе глупые люди историки, и наполеоновскіе маршалы, и самъ Наполеонъ? И какъ неизмѣримо выше всѣхъ ихъ въ умственномъ отношеніи стоитъ графъ Л. Н. Толстой! Сколько „заботливости и хлопотливости" употребилъ императоръ и его маршалы для опредѣленія того, что для графа Л. Н. Толстаго совершенно очевидно! Но такъ какъ скромность есть лучшее украшеніе всякаго дарованія, то графъ Толстой великодушно раздѣляетъ со всякимъ военнымъ честь, принадлежащую лично ему; онъ говоритъ: „очевидно было для всякаго военнаго, что эту часть линіи и должно было атаковать французамъ" (стр. 276). Мы, однако, очень хорошо знаемъ изъ вышеприведенныхъ словъ самаго же графа Толстаго, что не только для всякаго военнаго, но и для окружающихъ Наполеона, и для него самаго, это не было очевидно, и такъ какъ невозможно предположить, чтобы Наполеонъ былъ непремѣнно глупѣе всякаго военнаго, то выраженіе „для всякаго военнаго" мы принимаемъ не болѣе, какъ за слѣдствіе избытка скромности, столь присущей автору. Несомнѣнно, что для всякаго военнаго это очевидно не было, а очевидно только для графа Л. Н. Толстаго. Такимъ образомъ, авторская скромность выставляетъ его всестороннюю геніяльность еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ, и ни одинъ читатель, конечно, не останется на столько нечувствительнымъ, чтобы не оцѣнить этого. Но за то посмотрите, что за фарсёръ, напускающій на себя глубокомысліе, былъ этотъ Наполеонъ: дѣло было такъ просто и очевидно, а между тѣмъ

„Наполеонъ ѣздилъ по полю, *глубокомысленно* вглядывался въ мѣстность, самъ съ собой одобрительно или недовѣрчиво качалъ головой и, не сообщая окружавшимъ его генераламъ того *глубокомысленнаго* хода, который руководилъ его рѣшеньями, передавалъ имъ только окончательные выводы, въ формѣ приказаній» (стр. 277).

Сознаемся, что мы совершенно убѣждены графомъ Толстымъ и вмѣстѣ съ нимъ готовы признать Наполеона чѣмъ-то въ родѣ провинціяльнаго актера средней руки, силящагося изобразить великаго человѣка и напускающаго на себя, по этому поводу, смѣшное глубокомысліе. Осмѣливаемся только замѣтить, относительно выбора пункта атаки, что, переводя войска свои на правую сторону Колочи для атаки нашего лѣваго фланга, не могъ ли Наполеонъ опасаться за свой путь отступленія, за парки и обозы, оставленные на лѣвой сторонѣ Колочи, гдѣ противъ нихъ сосредоточена была бо́льшая часть нашей арміи? И не могло ли это обстоятельство служить причиною, что очевидное для графа Толстаго казалось Наполеону не вполнѣ очевиднымъ?

Затѣмъ императоръ Наполеонъ Бонапарте диктуетъ свою диспозицію, и затѣмъ графъ Л. Н. Толстой разбираетъ ее, находя ее, конечно, верхомъ безтолковщины и путаницы:

„Диспозиція эта, весьма неясно и спутанно написанная, ежели позволить себѣ безъ религіознаго ужаса къ геніяльности Наполеона относиться къ распоряженіямъ его, заключала въ себѣ четыре пункта — четыре распоряженія. Ниодно изъ этихъ распоряженій не могло быть и не было исполнено.

„Въ диспозиціи сказано, первое, *чтобы устроенныя на выбранномъ Наполеономъ мѣстѣ батареи съ имѣющими выравняться съ ними орудіями Пернетти и Фуше, всего 102 орудія, открыли огонь и засыпали Русскія флеши*

*

и редутъ снарядами. Это не могло быть сдѣлано, такъ какъ, съ назначенныхъ Наполеономъ мѣстъ, снаряды не долетали до Русскихъ работъ, и эти 102 орудія стрѣляли по пустому до тѣхъ поръ, пока ближайшій начальникъ, противно приказанію Наполеона, не выдвинулъ ихъ впередъ" (стр. 279).

И такъ графъ Толстой находитъ, что ближайшій начальникъ, подвинувъ 102 орудійную батарею нѣсколько впередъ, поступилъ „*противно приказанію Наполеона*". Намъ кажется, что это не только не было „противно приказанію Наполеона", но, напротивъ, было совершенно *въ духѣ* его приказанія: „засыпать гранатами непріятельскую батарею, противъ которой она будетъ дѣйствовать" (*). Главнокомандующему достаточно указать цѣль дѣйствій той или другой части, средства же пусть она сама себѣ пріискиваетъ. Что было бы, если бы частный начальникъ, безъ позволенія главнокомандующаго, не могъ передвинуть своей части на сотню шаговъ впередъ, особенно если имѣются въ виду дѣйствія наступательныя? И неужели подобное передвиженіе можно назвать „*противнымъ приказанію*?" У главнокомандующаго и безъ того заботъ весьма достаточно; притомъ онъ не можетъ же быть во время боя при всякой части, и поэтому поступаетъ совершенно основательно, если полагается на инціативу частныхъ начальниковъ.

Нѣмцы (преимущественно австрійцы) чаще другихъ пытались отнять эту инціативу у непосредственныхъ дѣятелей и чаще другихъ имѣли поводы въ томъ раскаиваться. Они не ограничивались указаніями цѣли, но исчисляли подробно и средства для ея исполненія. Оттого у нихъ выходили диспозиціи, для поверхностнаго взгляда

(*) Смотри диспозицію, переводъ которой помѣщенъ на 278 и 279 стр. 4-го тома „Войны и Мира".

крайне точныя и опредѣлительныя, въ сущности же невозможныя въ исполненіи (*), потому что предвидѣть всѣ случайности боя невозможно, и отвратить ихъ можетъ только тотъ начальникъ, который непосредственно наткнется на случайность и который, зная цѣль дѣйствій, имѣетъ полное право самъ выбирать средства. Не только въ военномъ дѣлѣ, но и во всякомъ, гдѣ кругъ дѣятельности обширенъ, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ стремленіе человѣка, стоящаго во главѣ, изощряться на мелочахъ. Понимая это очень хорошо, не только Наполеонъ, но и ни одинъ порядочный главнокомандующій, не станетъ писать подробныхъ диспозицій, а ограничится скорѣе намеками, пояснивъ эти намеки изустно. Вотъ чѣмъ объясняется и кажущаяся неточность приказанія вице-королю, о чемъ, впрочемъ, поговоримъ ниже.

„Второе распоряженіе состояло въ томъ, чтобы *Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло Русскихъ.* Это не могло быть и не было сдѣлано, потому что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова, и не могъ обойти и не обошелъ Русскую позицію“ (стр. 279).

Понятовскій, дѣйствительно, не успѣлъ обойти лѣваго крыла русскихъ, но за то онъ оттѣснилъ назадъ цѣлый корпусъ Тучкова, поддержанный ополченіемъ, назначеніе котораго заключалось въ томъ, чтобы внезапно обрушиться на правый флангъ французскихъ войскъ, атакующихъ флеши. Такимъ образомъ случайность, на войнѣ неизбѣжная, парализировала намѣреніе

(*) Такова именно и была диспозиція Вейротера для Аустерлицкаго боя, которая, однако, кажется графу Толстому „образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода“ (стр. 284).

Наполеона; но такъ какъ Понятовскій не былъ лишенъ инициативы, не былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ подробной инструкціей, то, увидавъ корпусъ Тучкова и понимая, что это непредвидѣнное обстоятельсво сдѣлало обходъ невозможнымь, онъ обратился противъ Тучкова и парализировалъ въ свою очередь роль, которую долженъ былъ выполнить этотъ послѣдній. Такимъ образомъ, весьма основательное направленіе корпуса Понятовскаго, хотя онъ и не исполнилъ своего первоначальнаго назначенія, тѣмъ не менѣе принесло французамъ несомнѣнную пользу и избавило ихъ отъ опасности быть атакованными во флангъ своихъ наступающихъ колоннъ.

„Третье распоряженіе: *генералъ Компанъ двинется въ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ*. Дивизія Компана не овладѣла первымъ укрѣпленіемъ, а была отбита, потому, что выходя изъ лѣса, она должна была строиться подъ картечнымъ огнемъ, чего не зналъ Наполеонъ“ (стр. 280).

Дивизія Компана при выходѣ изъ лѣса, дѣйствительно, принуждена была строиться подъ картечнымъ огнемъ; тѣмъ не менѣе головная ея бригада (Теста) успѣла выстроиться и устремилась на крайнюю флешь, которою, вопреки графу Толстому, *успѣла овладѣть*, хотя вскорѣ и была выбита энергическимъ натискомъ войскъ Багратіона.

Впрочемъ, въ диспозиціи Наполеонъ не рѣшаетъ заранѣе вопроса: овладѣетъ ли Компанъ укрѣпленіемъ, или нѣтъ. Онъ только говоритъ: „Генералъ Компанъ двинется черезъ лѣсъ, *чтобы* овладѣть укрѣпленіемъ“. И Компанъ, дѣйствительно, двинулся черезъ лѣсъ, *чтобы* овладѣть укрѣпленіемъ, и войска его даже ворвались въ него, хотя и были выбиты, вслѣдствіе чего

Наполеонъ и послалъ на этотъ пунктъ сначала корпусъ Нея, а потомъ дивизію Фріана. Недостаточность дивизіи Компана, поддержанной дивизіей Дессè, конечно не была для Наполеона неожиданностью: онъ очень хорошо понималъ, что съ двумя дивизіями нельзя рѣшить дѣла на такомъ важномъ пунктѣ, почему и расположилъ вблизи корпусъ Нея и двинулъ его немедленно для поддержки Компана и Дессè.

„Четвертое: *Вице-король овладѣетъ деревнею* (Бородиномъ) *и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Фріана* (?) (о которыхъ не сказано, куда и когда онѣ будутъ двигаться), *которыя, подъ его предводительствомъ, направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками*".

„Сколько можно понять если не изъ безтолковаго періода этого, то изъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣланы были вице-королемъ, чтобы исполнить данныя ему приказанія, онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ, дивизіи же Морана и Фріана (?) должны были двинуться одновременно съ фронта".

По диспозиціи, подъ начальство вице-короля должны были поступить, и дѣйствительно поступили, дивизіи Морана и Жерара; но вмѣсто Жерара графъ Толстой рѣшилъ отдать вице-королю дивизію Фріана, дѣйствовавшую совершенно на другомъ пунктѣ. И это не описка: по крайней мѣрѣ на стр. 280-й Жераръ замѣненъ Фріаномъ ровно три раза.

Независимо отъ этого обстоятельства, графу Толстому кажется инструкція вице-королю безтолковою, и онъ не вполнѣ ее понимаетъ. Натурально, что если бы Наполеонъ писалъ свою бородинскую диспозицію для того, чтобы она казалась удобопонятною графу Толстому, то онъ отдѣлалъ бы ее тщательнѣе, и такъ какъ самъ

графъ Толстой благосклонно упоминаетъ, что приказъ по войскамъ (надо сознаться не особенно дурной) (*) былъ продиктованъ Наполеономъ „сразу безъ поправокъ“, то есть основаніе предположить, что и диспозиція вышла бы удобопонятная даже и для автора „Войны и Мира“; но Наполеонъ (новое доказательство его ограниченности!) не предугадалъ, что графъ Толстой удостоитъ его чести разбора бородинской диспозиціи и, диктуя ее, старался сдѣлать удобопонятною только исполнителямъ своихъ плановъ и распоряженій. Мы далеко не принадлежимъ къ числу партизановъ этихъ распоряженій; но что ихъ понимали вполнѣ его подчиненные—это доказывается тѣмъ, что въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ массъ, не смотря на множество случайностей Бородинскаго сраженія, не произошло *ни малѣйшей путаницы*. Мы уже говорили, что въ диспозиціи, главнокомандующій весьма часто ограничивается намеками, дѣлая словесныя поясненія. Вице-король былъ пасынкомъ Наполеона и человѣкомъ весьма къ нему близкимъ—понятно, что Наполеонъ имѣлъ время объяснить ему изустно роль его, почему и могъ ограничиться въ диспозиціи только напоминаніемъ.

По этой же причинѣ бородинская диспозиція и не объясняетъ подробно роли дивизій Морана и Жерара (что такъ удивляетъ графа Толстаго), точно также какъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что дивизія Дессе должна была

(*) Вотъ этотъ приказъ: Soldats! voilà la bataille, que vous avez tant désirée! Désormais la victoire dépend de vous; elle nous est nécessaire, elle nous donnera l'abondance, de bons quartiers d'hiver, et un prompt retour dans la patrie! Conduisez vous comme à Austerlitz, à Friedeland, à Witebsk, à Smolensk, et que la postérité la plus reculée cite votre conduite dans cette journée; que l'on dise de vous: Il était à cette grande bataille sous les murs de Moscou.

поступить подъ начальство Компана и вмѣстѣ съ его дивизіей начать атаку флешей. И это не помѣшало, однако же, дивизіи Дессе выполнить въ точности возложенное на нее порученіе. Вотъ лучшее доказательство того, что диспозиція не заключала въ себѣ всѣхъ распоряженій Наполеона, и что частнымъ начальникамъ даны были словесныя инструкціи, сообразно съ которыми они и дѣйствовали.

Прибавимъ, что намъ кажется *совершенно непонятнымъ*, какъ могъ авторъ „*понять*“ изъ словъ диспозиціи и изъ дѣйствій вице-короля (стр. 280), что „онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ; дивизіи же Морана и Фріана должны были двинуться одновременно съ фронта“. Подъ выраженіемъ „двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ“, графъ Толстой разумѣетъ, какъ это ясно видно изъ послѣдующихъ его словъ: овладѣть Бородиномъ, переправиться по бородинскому мосту черезъ Колочу и отсюда уже двинуться на редутъ (*).

Подобное толкованіе совершенно противорѣчитъ, какъ самой диспозиціи, такъ и дѣйствіямъ вице-короля.

Въ диспозиціи сказано: вице-король перейдетъ „по *своимъ тремъ* мостамъ“; въ Бородинѣ же былъ, во-первыхъ, *одинъ* только мостъ, и, во-вторыхъ, былъ *не свой*, т. е. не французскій, а русскій, то есть *чужой*, тогда какъ черезъ Колочу, выше Бородина, дѣйствительно, французами было наведено *три* моста, *свои*, которыми вице-король во время боя и воспользовался.

(*) Чтобы не сбивать читателя, мы будемъ повторять ошибку графа Толстаго, называющаго, подобно французамъ, укрѣпленіе на курганѣ редутомъ, тогда какъ оно имѣло видъ люнета. Разница существенная: редутъ—укрѣпленіе сомкнутое, а люнетъ—съ горжи (съ тыльной стороны) открытое.

Авторъ *упустилъ изъ вида* эти ясныя указанія диспозиціи, конечно, *не намѣренно* (въ искренности автора мы слишкомъ убѣждены); но, вслѣдствіе этого, толкованіе его невольно напоминаетъ намъ толкованіе гоголевскимъ почтмейстеромъ личности Чичикова и его догадку, что Чичиковъ есть не кто иной, какъ капитанъ Копѣйкинъ; причемъ почтенный почтмейстеръ *упустилъ изъ вида* только то незначительное обстоятельство, что капитанъ Копѣйкинъ былъ безъ руки и безъ ноги, тогда какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ владѣлъ таковыми.

Но талантливый вице-король понялъ диспозицію не à la гоголевскій почтмейстеръ. Онъ очень хорошо сознавалъ, что переправиться при Бородинѣ черезъ Колочу нѣтъ возможности, такъ какъ бо̀льшая часть нашихъ силъ была массирована именно около этого пункта. Онъ понималъ, что овладѣть Бородиномъ важно для французовъ потому, что при Бородинѣ былъ постоянный мостъ (да могли быть построены и временные), пользуясь которыми, русскіе могли, массою силъ, сосредоточенныхъ на правомъ флангѣ, атаковать ослабленный лѣвый флангъ французовъ, тогда какъ этотъ флангъ былъ для французовъ особенно дорогъ, потому что за нимъ пролегалъ ихъ путь отступленія, и всѣ обозы и парки оставлены были на лѣвой сторонѣ Колочи, между тѣмъ какъ вся французская армія перешла на правый ея берегъ.

Вотъ какъ понималъ вещи вице-король; сообразно этому пониманію онъ и дѣйствовалъ: овладѣвъ Бородиномъ и видя, что мы сами уничтожили мостъ, то есть вовсе не имѣемъ намѣренія перейти на этомъ пунктѣ въ наступленіе и даже лишаемъ себя возможности этого перехода, онъ оставляетъ на лѣвой сторонѣ

Колочи одну только пѣхотную дивизію (Дельзона), а съ остальными переходитъ на правую сторону по *своимъ тремъ* мостамъ и вмѣстѣ съ Мораномъ и Жераромъ атакуетъ редутъ. И какъ могъ графъ Толстой вывести изъ этихъ дѣйствій хитрое заключеніе, что вице-король долженъ былъ переправиться черезъ Колочу силою при Бородинѣ и, рискуя каждую минуту быть сброшеннымъ обратно въ круто-берегую Колочу, двинуться фланговымъ маршемъ для атаки редута! Не только Наполеонъ, или вице-король, но даже самый плохой ученикъ, конечно, не рѣшилъ бы задачи такимъ образомъ.

Авторъ продолжаетъ:

„Все это (т. е. вышеприведенное предложеніе автора), также какъ и другіе пункты диспозиціи, не было и не могло быть исполнено. Пройдя Бородино, вице-король былъ отбитъ на Колочѣ и не могъ пройдти дальше; дивизіи же Морана и Фріана (?) не взяли редутъ, а были отбиты, и редутъ въ концѣ сраженія уже былъ захваченъ кавалеріей (вѣроятно, непредвидѣнное дѣло для Наполеона и неслыханное)".

Предположеніе автора, дѣйствительно, не было исполнено, и не было исполнено по той простой причинѣ, что *не входило* (какъ мы только что доказали) *ни въ планы Наполеона, ни въ сію диспозицію*; точно также справедливо, что дивизія Фріана не взяла редута; мы прибавимъ только, что она и не могла его взять, потому что была во время боя, какъ уже сказано, совершенно на другомъ пунктѣ и даже по диспозиціи не должна была брать редута. Что же касается до войскъ вице-короля съ дивизіями Морана и Жерара, то диспозиція и здѣсь вовсе не пророчила, что они возьмутъ редутъ, а говорила только, что они „*направятся* къ редуту и *войдутъ въ линію съ прочими войсками*". Все

это было исполнено въ точности, и бригада Бонами (дивизіи Морана) даже успѣла овладѣть редутомъ, хотя вскорѣ и была оттуда выбита.

Далѣе:

„И такъ ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было и не могло быть исполнено. Но въ диспозиціи сказано: что по вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказанія, соотвѣтственныя дѣйствіямъ непріятеля, и потому могло бы казаться, что во время сраженія будутъ сдѣланы Наполеономъ всѣ нужчыя распоряженія; но этого не было и не могло быть".

Что диспозиція была удобоисполнима и что всѣ ея пункты были выполнены, въ главныхъ чертахъ, такъ точно, какъ этого только можно было желать, мы уже доказали. О распоряженіяхъ Наполеона во время самаго сраженія, избѣгая голословныхъ опроверженій, мы поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; теперь же перейдемъ къ слѣдующей, 28-й главѣ, гдѣ авторъ даетъ намъ разгадку, почему онъ держится „страннаго" (собственное сознаніе автора) предположенія, будто Бородинское побоище произошло „не по волѣ Наполеона, а что ему *казалось* только, что онъ это велѣлъ":

„какъ ни *странно* кажется это предположеніе: но человѣческое достоинство, говорящее мнѣ, что всякій изъ насъ ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій (!) Наполеонъ, велитъ допустить это рѣшеніе вопроса, и историческія изслѣдованія обильно подтверждаютъ это предположеніе" (стр. 282).

Что историческія изслѣдованія, равно какъ и здравый смыслъ, никоимъ образомъ не могутъ служить подтвержденіемъ „*страннаго*" предположенія, мы, полагаемъ, уже доказали, а что автору не хочется признать себя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, ниже Наполео- — доводъ этотъ мы принимаемъ за вполнѣ уважи-

тельный, возражать противъ него не будемъ и готовы открыто признать автора военнымъ геніемъ, не только равнымъ Наполеону, но стоящимъ даже несравненно выше его. Дальнѣйшіе выводы автора до того, однако, курьезны, что не привести ихъ невозможно:

„Въ Бородинскомъ сраженіи Наполеонъ ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ. Все это дѣлали солдаты. Стало быть"... и т. д.

Справедливо и убѣдителвно до такой степени, что мы не можемъ не дать подобной логикѣ болѣе обширнаго примѣненія: инженеръ Кербедзъ, напримѣръ, не обтесывалъ гранитныхъ устоевъ Николаевскаго моста черезъ Неву и свай не вбивалъ. Все это дѣлали рабочіе. Стало быть Кербедзъ нимало неповиненъ въ постройкѣ моста. Логично, не правда ли?

Далѣе:

„Солдаты Французской арміи шли убивать *другъ друга* въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но по собственному желанію".

Ну да, конечно! Внезапно, видите ли, французы, итальянцы, саксонцы, баденцы, виртембергцы, почувствовали желаніе убивать другъ друга и нигдѣ иначе, какъ на Бородинскомъ полѣ. Почувствовали это желаніе,—бросили свои голодныя семьи, свѣтлое небо и привольную жизнь, соединились и пошли на далекій сѣверо-востокъ. Все это естественно и правдоподобно какъ нельзя болѣе, въ доказательство чего можно привести даже очень многія.... сказки, гдѣ также собираются рати и несутся на коврахъ-самолетахъ, черезъ горы и лѣса, для освобожденія какой-нибудь Неулыбы-

царевны. Но отчего же, однако, несмотря на строгія мѣры, такъ сильно было въ арміи дезертирство, если солдаты *„по собственному желанію"*, а не вслѣдствіе приказанія Наполеона, шли убивать другъ друга?" Мы не слыхали также, чтобы при Бородинѣ солдаты французской арміи шли убивать не враговъ своихъ, а *„другъ друга"*.

Далѣе:

„Ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ теперь драться съ Русскими, они бы его убили и пошли бы драться съ Русскими, потому что это было имъ необходимо".

Оспаривать подобный выводъ невозможно. Мы только припомнимъ, что даже при отступленіи отъ Москвы, когда бѣдствія французской арміи достигли крайнихъ предѣловъ, когда она на каждомъ переходѣ оставляла тысячи жертвъ голода и стужи, и тогда солдаты не думали покушаться на жизнь виновника ихъ невыразимыхъ страданій, неужели же они убили бы Наполеона въ то время, когда они еще не испытали этихъ тяжкихъ бѣдствій, когда звѣзда его была еще въ полномъ блескѣ, и когда они не терпѣли еще ни одной серьезной неудачи подъ его знаменами? И неужели авторъ не шутитъ, увѣряя, что всякій солдатъ французской арміи шелъ по собственной волѣ на Москву, и что остановить ихъ, или вести назадъ, было не въ волѣ Наполеона? Авторъ, повидимому, не даетъ себѣ яснаго отчета: что такое дисциплинированная и правильно-организованная армія? Вѣдь это не дикія орды Чингисхана или Атиллы. Но и тѣ повиновались своимъ вождямъ на столько, что, напримѣръ, Атилла, въ виду римскихъ стѣнъ, повернулъ обратно свои полчища. И Атилла сдѣлалъ это безъ всякой опасности для своей жизни, не смотря на

то, что поступилъ такимъ образомъ по капризу, въ припадкѣ личнаго великодушія, хотя это великодушіе явно становилось въ разрѣзъ съ интересами его дикарей, которыхъ Римъ манилъ къ себѣ богатою добычей. Повторяемъ, не только въ апогеѣ славы Наполеона, но и впослѣдствіи, въ годины страшныхъ бѣдствій: при отступленіи отъ Москвы, при неудачахъ 1813, 1814 и 1815 годовъ, *ни одна рука изъ всей арміи* не поднялась на Наполеона, несмотря на то, что неудачи значительно охладили къ нему солдатъ, состоявшихъ въ послѣдніе годы болѣе чѣмъ на половину изъ конскриптовъ, набранныхъ частью противозаконно (*), самыми репрессивными мѣрами и, по волѣ Наполеона, оставившихъ голодныя семьи безъ рукъ и безъ средствъ къ пропитанію.

Грубый парадоксъ, что „Наполеону *казалось только*, что все дѣло происходило по волѣ его" (стр. 285), до того понравился автору, что онъ повторяетъ его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ:

„Окончивъ свой второй стаканъ пунша, Наполеонъ пошелъ отдохнуть передъ серьезнымъ дѣломъ, которое, какъ ему казалось, предстояло на завтра".

„Онъ такъ интересовался этимъ предстоящимъ ему дѣломъ, что не могъ спать" и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ: что за забавная пѣшка, ставящая себя на ходули, этотъ Наполеонъ! Придавать серьезное значеніе дѣлу, въ которомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, падаетъ до ста тысячь людей—это изъ рукъ вонъ забавно! И воображать, что играешь въ

(*) Извѣстно, что Наполеонъ призвалъ въ это время на службу даже тѣхъ, которые, не вынувъ жребія при прежнихъ конскрипціяхъ, по закону, освобождались отъ военной службы.

этомъ дѣлѣ роль, нѣсколько отличную отъ роли бездарнаго актера на провинціальной сценѣ—это еще забавнѣе! Впрочемъ, чего же и ожидать со стороны этого *аффектированнаго*, *надутаго* и *ограниченнаго* человѣка!

Но вотъ что странно: отчего это не только самъ Наполеонъ, но и всѣ современники и потомство, въ продолженіе 56 лѣтъ, до появленія на свѣтъ романа графа Толстаго, не сомнѣвались, что главною пружиною, руководившею дѣйствіями французской арміи при Бородинѣ, былъ французскій императоръ?

Обстоятельство это, наводящее на *нѣкотораго рода размышленія*, заставляетъ насъ подвергнуть сомнѣнію непогрѣшимость выводовъ графа Л. Н. Толстаго и посмотрѣть: не игралъ ли и въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ какой-нибудь роли въ Бородинскомъ сраженіи и не оказалъ ли дѣйствительно вліянія на исходъ его?

Начнемъ съ того, что въ наше время люди, „по собственному желанію убивать другъ друга", не собираются и на поля сраженія на коврахъ-самолетахъ не прилетаютъ; для того же, чтобы привести людей на поле сраженія, надо ихъ вызвать изъ населенія, организовать, воспитать, дать имъ начальниковъ, одѣть, обуть, вооружить надлежащимъ образомъ, снабдить артиллеріей, фурштатомъ, госпитальными принадлежностями, артиллерійскими и понтонными парками и обезпечить ихъ продовольствіе. Все это, кромѣ обширныхъ финансовыхъ средствъ, требуетъ много знаній, опытности и труда, чтобы, снабдивъ армію всѣмъ необходимымъ, не обременить ее излишнимъ и, въ тоже время, не отстать въ примѣненіи различныхъ изобрѣтеній, оказывающихъ на исходъ войны весьма часто самое рѣшительное вліяніе.

Если всѣ эти вопросы разрѣшены удовлетворительно, вы получаете уже много шансовъ на успѣхъ, особенно если противникъ былъ менѣе васъ внимателенъ къ этой подготовительной работѣ. Это понятно до очевидности: если вы, не обременяя населенія и безъ крайняго истощенія финансовъ, успѣли выставить въ поле бо́льшую и лучше подготовленую армію, нежели вашъ противникъ; если ваши солдаты лучше вооружены и снабжены всѣмъ необходимымъ; если, притомъ, они имѣютъ хорошихъ начальниковъ—вѣроятностей успѣха на вашей сторонѣ больше; но, прибавимъ, только *вѣроятностей* успѣха. Самый же успѣхъ зависитъ еще и отъ другихъ причинъ, именно: отъ того, какимъ образомъ употреблены будутъ подготовительныя средства.

Въ предварительной работѣ, въ *подготовленіи* средствъ, главнокомандующіе не всегда принимаютъ личное участіе (чего нельзя, однако, примѣнить къ Наполеону); послѣдующая же работа, *употребленіе* средствъ, составляетъ прямую задачу главнокомандующаго (*). И задача эта, въ свою очередь, имѣетъ такое серьезное значеніе, что какъ бы хорошо ни были подготовлены средства, употребленіе ихъ можетъ испортить все дѣло. Пояснимъ это примѣрами: положимъ, что въ рукахъ вашихъ армія, превосходящая численностью непріятеля, но ее распредѣлили такимъ образомъ (а это случается, и очень часто), что слабѣйшій противникъ, при столкновеніяхъ, оказывается сильнѣе васъ: шансы успѣха, конечно, склоняются на его сторону. Или: вы снабжены обширными продовольственными средствами;

(*) Кромѣ случаевъ, когда стараются взять главнокомандующаго подъ опеку, въ родѣ австрійскаго гофкригсрата, что всякій разъ имѣетъ слѣдствіемъ самые печальные результаты.

но, увлекшись наступательными дѣйствіями, вы отдалитесь отъ этихъ средствъ, не смотря на то, что малонаселенный край не можетъ служить достаточнымъ источникомъ пропитанія вашей арміи; слѣдствія: страшныя численныя потери, не отъ столкновеній съ непріятелемъ, а отъ лишеній, болѣзней и дезертирства (*). Наоборотъ: положимъ, вы дѣйствуете въ плодородной странѣ, гдѣ связывать себя магазинами не представляется настоятельной надобности, но вы все же хотите довольствоваться не иначе, какъ изъ магазиновъ (военная исторія представляетъ тому бездну примѣровъ)—ваши дѣйствія будутъ слишкомъ медленны и вы никогда не достигнете блестящихъ результатовъ.

И такъ, для успѣшнаго хода войны, важно: во-первыхъ, подготовленіе средствъ, во-вторыхъ, употребленіе ихъ.

Но какъ бы хорошо ни были подготовлены и употреблены средства до столкновенія съ противникомъ, несоотвѣтственное употребленіе ихъ во время боя—въ состояніи испортить все дѣло, и можно привести тысячу примѣровъ, какъ слабѣйшій противникъ, на рѣшительномъ пунктѣ позиціи, оказывался сильнѣе своего непріятеля и вслѣдствіе этого одерживалъ рѣшительный перевѣсъ. Отчего же происходятъ такіе казусы? Неужели повѣримъ графу Толстому, что это происходитъ независимо отъ воли главнокомандующаго, „по волѣ сотенъ тысячъ людей, участвующихъ въ общемъ дѣлѣ?“ Неужели, напримѣръ, подъ Прагой (въ 1757 году) каждый солдатъ арміи Фридриха Великаго созналъ необходи-

(**) Дойдя до Днѣпра (въ 1812 г.), Наполеонъ потерялъ именно отъ этихъ причинъ треть людей, находившихся подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

мость обойти австрійскую армію и атаковать ее съ праваго фланга, и все это совершилось по волѣ всѣхъ этихъ людей въ стройныхъ, вытянутыхъ линіяхъ?

Что, однако, за необыкновенное однообразіе человѣческихъ волей? И отчего *всѣ* австрійцы не сознали необходимости атаковать прусаковъ во время обхода, какъ это сдѣлали прусаки, нѣсколько позднѣе, съ французами подъ Росбахомъ? Отвѣтъ простъ: оттого, что подъ Росбахомъ (въ 1757 году) во главѣ прусаковъ стоялъ Фридрихъ Великій, а у австрійцевъ его не было. Отчего войска Бонапарте одерживали постоянные успѣхи Отвѣтъ тотъ же: оттого, что ими предводительствовалъ Бонапарте. Отчего армія наслѣднаго принца прускаго вышла противъ праваго фланга позиціи австрійцевъ и рѣшила этимъ появленіемъ сраженіе подъ Кёнигсгрецемъ (въ 1866 году)? Оттого, что она получила соотвѣтственное распоряженіе изъ главной квартиры.

То же и подъ Бородиномъ: отчего французы атаковали самую слабую часть нашей позиціи? Неужели это сдѣлалось „по волѣ сотенъ тысячъ людей", и всѣ эти люди перешли для этого Колочу, и по какой-то магической силѣ не сдѣлали ни одного выстрѣла 25-го числа, и вдругъ рѣшили драться на смерть съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня? И отчего французы сосредоточили противъ насъ бо̀льшее число орудій, хотя мы и превосходили непріятеля числительностью артиллеріи?

Понятно, что все это дѣлалось по распоряженіямъ и по волѣ Наполеона. И для всѣхъ этихъ распоряженій, какъ предшествующихъ сраженію, такъ и дѣлаемыхъ во время самаго боя, вовсе не нужно находиться въ сферѣ выстрѣловъ. Необходимо только всесторонне обсудить положеніе

дѣлъ и избрать соотвѣтствующія средства, для чего атакующій сосредоточиваетъ войска на рѣшительномъ пунктѣ и во время боя настойчиво добивается здѣсь успѣха, стараясь въ тоже время парализировать непріятеля на другихъ пунктахъ возможно меньшимъ числомъ силъ, что, естественно, позволяетъ посылать подкрѣпленія туда, гдѣ наносится главный ударъ.

Принявъ во вниманіе все вышесказанное, нельзя не согласиться, что мнѣніе, на первый взглядъ парадоксальное, что вопросы войны рѣшаются главнымъ образомъ не въ сферѣ выстрѣловъ, не тамъ, гдѣ люди убиваютъ другъ друга, не въ этихъ, часто безсмысленныхъ столкновеніяхъ, а работой мыслящихъ дѣятелей,—мнѣніе это вполнѣ справедливо. Правда, что роль главнокомандующаго, во время сраженія, ограничивается направленіемъ войскъ на тотъ или другой пунктъ, то есть дѣйствіями ихъ внѣ сферы выстрѣловъ, и что разъ войска попали въ эту сферу, они уже не во власти главнокомандующаго, но дѣйствуютъ подъ вліяніемъ ближайшихъ начальниковъ, или даже выдающихся товарищей. Правда, что въ эти минуты, когда люди, находясь въ высшей степени возбужденномъ состояніи, бываютъ крайне воспріимчивы, на исходъ борьбы оказываютъ громадное вліяніе случайности: потеря начальника, напримѣръ, взрывъ зряднаго ящика, нѣсколько выстрѣловъ въ тылу, или крикъ „насъ обошли“ могутъ побѣдителей сдѣлать побѣжденными. Но случайности эти оказываютъ тѣмъ меньшее вліяніе, чѣмъ лучше войска организованы и воспитаны, чѣмъ сильнѣе духовная связь между ними, и чѣмъ тверже вѣруютъ они въ благопріятный исходъ дѣла. А эта вѣра, главнымъ образомъ, зависитъ отъ довѣрія къ вождю. Что же до

организаціи и воспитанія войскъ, также какъ и выбора начальниковъ, то такіе вожди, какъ Наполеонъ, всегда оказывали на нихъ самое рѣшительное вліяніе.

Поэтому, если, въ моментъ схватки, главнокомандующій и не руководитъ войсками непосредственно своими распоряженіями, тѣмъ не менѣе они все же дѣйствуютъ подъ вліяніемъ его предъидущей дѣятельности. И вотъ разгадка, отчего войска великихъ полководцевъ выходятъ иногда побѣдителями изъ самыхъ критическихъ боевыхъ положеній.

Чтобы показать нагляднѣе, какую роль играетъ на войнѣ личность главнокомандующаго, его талантъ или бездарность, взглянемъ на исторію войнъ въ Италіи въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія.

Съ 1792 по 1795 годъ французы ведутъ ожесточенную борьбу въ Генуэзской Ривьерѣ (полоса земли между Альпами и Средиземнымъ моремъ), безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Въ 1796 году главнокомандующимъ Итальянской арміи назначенъ 27-лѣтній генералъ Бонапарте. Онъ засталъ армію, расположенную въ Ривьерѣ, босую, дурно одѣтую, голодную, слабую (относительно непріятеля) числомъ.... и, чрезъ нѣсколько недѣль, французы были уже на Минчіо и осаждали Мантую. Желая во что бы то ни стало освободить Мантую и положить предѣлъ успѣхамъ молодаго полководца, австрійцы выставили противъ него, одну за другою, четыре сильныя арміи, и всѣ онѣ, послѣдовательно, потерпѣли пораженія, и въ началѣ 1797 года французы угрожали уже самой Вѣнѣ.

Заключенъ выгодный миръ. Бонапарте отправился въ Египетъ.

Въ 1799 году австрійцы снова объявляютъ войну, ставятъ во главѣ союзныхъ австро-русскихъ войскъ Суворова, и тѣ же французы терпятъ постоянныя пораженія, оставляютъ Италію и снова удаляются въ Ривьеру.

Бонапарте возвращается изъ Египта, дѣлается первымъ консуломъ и (въ 1800 году) снова идетъ въ Италію съ арміей, только что набранной изъ конскриптовъ, и черезъ нѣсколько недѣль Италія снова во власти французовъ. При этомъ французы, тоже вѣроятно *„по волѣ сотенъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ дѣлѣ“*, избираютъ путь въ Пьемонтъ, дотолѣ недуманный и негаданный, черезъ большой С. Бернардъ.

Полагаемъ, что здравый смыслъ, которому, сознаемся, мы вѣримъ больше всякихъ авторитетовъ, даже больше авторитета графа Л. Н. Толстаго, можетъ разрѣшить эти колебанія въ успѣхахъ и неудачахъ французовъ въ Италіи только талантами молодаго Бонапарте. Полагаемъ также, что всякій, не затуманившій себя на лету подхваченными идейками, съ нами согласится.

Подобныхъ фактовъ, доказывающихъ, ясно до очевидности, вліяніе одного человѣка на исходъ войны, можно привести множество; но мы возвратимся къ спеціально насъ интересующему вопросу: какое вліяніе оказалъ Наполеонъ на исходъ Бородинскаго боя.

Мы уже говорили и подтверждали наше мнѣніе фактами, что судьба генеральнаго сраженія рѣшается не только въ моментъ столкновенія, но что на исходъ его оказываютъ вліяніе: во первыхъ, подготовка средствъ для веденія войны; во-вторыхъ, употребленіе ихъ до минуты столкновенія, и въ-третьихъ, распоряженіе для боя и во время самаго столкновенія.

Поэтому и исходъ Бородинскаго сраженія зависѣлъ: во первыхъ, отъ подготовки французами средствъ,—подготовка эта, въ продолженіе двухъ лѣтъ, производилась на основаніи непосредственныхъ распоряженій французскаго императора; во-вторыхъ, отъ употребленія средствъ до минуты столкновенія, то есть отъ самаго веденія кампаніи, а извѣстно, что кампанія 1812 года ведена была на основаніи точныхъ предписаній императора, и ни одинъ стратегическій маневръ не дѣлался помимо его воли; въ-третьихъ, отъ диспозиціи для боя, отъ поведенія войскъ и отъ распоряженій во время боя. Диспозиція была продиктована самимъ Наполеономъ, и Бородинскій бой, какъ мы уже доказали, былъ веденъ на основаніи этой диспозиціи; поведеніе войскъ, какъ объяснено было выше, также обусловливалось предъидущей дѣятельностью Наполеона. Такимъ образомъ, если бы даже было справедливо, что главнокомандующій во время боя не играетъ никакой роли, тѣмъ не менѣе невозможно отрицать вліянія Наполеона на ходъ Бородинскаго сраженія. Остается поговорить подробнѣе о его распоряженіяхъ во время боя (*).

Графъ Толстой утверждаетъ, что

„распоряженія эти *кажутся* только хуже прежнихъ потому,

(*) Еще причина, обусловливающая иногда исходъ сраженій, это—случайности. Къ числу такихъ случайностей должно отнести нездоровье французскаго императора, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ. Вліяніе же случайностей на поведеніе войскъ, какъ мы уже говорили, устраняется, въ весьма значительной степени, раціональною подготовкою ихъ и довѣренностью къ вождю. Въ Бородинскомъ бою поведеніе войскъ обѣихъ сторонъ было безукоризненно и никакая случайность не оказала на ихъ пылкость и стойкость ни малѣйшаго вреднаго вліянія.

что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ. Всѣ самыя прекрасныя и глубокомысленныя диспозиціи и распоряженія кажутся очень дурными, и каждый ученый-военный съ значительнымъ видомъ критикуетъ ихъ, когда сраженіе по нимъ не выиграно, и самыя плохія диспозиціи и распоряженія кажутся очень хорошими, и серьезные люди въ цѣлыхъ томахъ доказываютъ достоинства плохихъ распоряженій, когда по нимъ выиграно сраженіе.

„Диспозиція, составленная Вейротеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, была образецъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода, но ее все таки осудили, осудили за ея совершенство, за слишкомъ большую подробность“ (стр. 283, 284).

Но, во-первыхъ, Бородинское сраженіе вовсе не „было первое, которое не выигралъ Наполеонъ“: подъ Асперномъ и Эслингеномъ, напримѣръ, онъ, самымъ положительнымъ образомъ, проигралъ сраженіе, то есть принужденъ былъ отступить въ виду непріятеля, оставивъ на полѣ срeженія около половины сражавшихся; подъ Прейсишъ-Эйлау мы также продержались цѣлый день на позиціи и нанесли французамъ страшныя потери. Мало того: если руководиться справедливостью, а не ложнымъ патріотизмомъ, то необходимо сознаться, что Бородинское сраженіе было нами проиграно; оно не было такой рѣшительной побѣдой, къ какимъ привыкли французы и на какую они расчитывали, но, тѣмъ не менѣе, это была побѣда: по крайней мѣрѣ, русскіе были сбиты на всѣхъ пунктахъ, принуждены ночью же начать отступленіе, бросая по дорогѣ своихъ раненыхъ (*) и понесли громадныя потери, далеко превосходившія потери непріятеля; наконецъ прямымъ слѣдствіемъ

(*) По свидѣтельству Шамбре (T. I, p. 328), въ одномъ Можайскѣ мы оставили болѣе 10,000 раненыхъ, которыхъ французы принуждены были выбросить на улицу, чтобы очистить мѣсто своимъ.

сраженія было занятіе непріятелемъ безъ боя нашей столицы.

Во-вторыхъ, напрасно авторъ полагаетъ, что если сраженіе выиграно, то и всѣ распоряженія „кажутся" непремѣнно образцовыми и наоборотъ. Напротивъ того, безпристрастная и здравая критика весьма часто указываетъ на недостатки распоряженій побѣдителя и объясняетъ побѣду еще бо́льшими ошибками со стороны побѣжденнаго, или другими причинами, перечислить которыя, всѣ, невозможно. Доказательствомъ можетъ служить любое серьезное военно-историческое сочиненіе.

Въ третьихъ аустерлицкую диспозицію Вейротера авторъ называетъ „образцомъ совершенства" за „*слишкомъ большую подробность*". Совершенство и слишкомъ большая подробность, повидимому, для автора—синонимы; но мы уже объясняли въ своемъ мѣстѣ, что послѣднее качество отнюдь не можетъ считаться достоинствомъ диспозиціи, а напротивъ—ея недостаткомъ. И какъ рѣшается авторъ утверждать, что аустерлицкая диспозиція была „образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода", когда она предполагала непріятеля не тамъ, гдѣ онъ могъ быть, а гдѣ ей *хотѣлось*, *чтобы онъ былъ*, и расчитывала на полную его неподвижность, также потому, что это было ей удобнѣе? Какъ бы ни были хорошо отдѣланы частности диспозиціи, но если въ основаніи ея лежатъ такія ложныя данныя, то считать ее образцомъ и совершенствомъ, это все равно, что восхищаться разнымъ вздоромъ, переписаннымъ красивымъ почеркомъ.

Наконецъ, что за странность! Въ 27-й главѣ автору кажется, что про диспозицію для Бородина „съ восторгомъ говорятъ французскіе историки, и съ глу-

бокимъ уваженіемъ другіе историки"; но что она „была весьма неясно и спутанно написана" (стр. 279) и притомъ заключала въ себѣ „безтолковые періоды" (стр. 280); однимъ словомъ, „ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было и не могло быть исполнено" (стр. 280). А черезъ двѣ страницы, въ главѣ 28-й, когда это потребовалось графу Толстому, онъ совершенно неожиданно начинаетъ увѣрять, что „серьезные люди" и „ученые военные" *осуждаютъ* диспозицію (за двѣ страницы они восторгались и отзывались о ней съ глубокимъ уваженіемъ), и осуждаютъ единственно потому, что сраженіе при Бородинѣ было проиграно (!?), но что она была „даже *лучше* всѣхъ прежнихъ диспозицій" (стр. 283). Назидательно: въ 27-й главѣ самое суровое обвиненіе, въ 28-й—самая горячая защита, неумѣренная до того, что и аустерлицкая диспозиція Вейротера признана „образцовою".

Но великодушіе автора, въ 28-й главѣ, не ограничивается горячей защитой въ пользу диспозиціи: оно благосклонно обращается и на Наполеона:

„Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло представителя власти также хорошо, и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны, спокойно и достойно исполнялъ свою роль кажущагося начальствованія" (стр. 284).

Вотъ видите-ли: про Наполеона вовсе нельзя сказать, чтобы онъ ровно ни къ чему не былъ способенъ, точно также онъ не былъ и очень большимъ трусомъ: „онъ съ поля сраженія не убѣжалъ" и роль маріонетки

исполнялъ „съ большимъ тактомъ, спокойно и достойно“!!!.

XXXIII глава труда автора посвящена доказательствамъ того, что Наполеонъ не могъ дѣлать подъ Бородиномъ никакихъ распоряженій. При этомъ графъ Толстой прибѣгаетъ къ аргументу довольно оригинальному: онъ говоритъ, что Наполеонъ находился слишкомъ далеко, чтобы дѣлать непосредственныя распоряженія; свѣдѣнія же, получаемыя имъ черезъ адъютантовъ, были ложны, потому что въ тотъ промежутокъ времени, пока скакали съ донесеніями, обстоятельства успѣвали принять другой оборотъ. Вотъ образчикъ этихъ доказательствъ:

„Прискакавшій съ флешь, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита, и что Компанъ раненъ и Даву убитъ, а между тѣмъ флеши были заняты другою частью войскъ *въ то время*, какъ адъютанту говорили, что Французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми, необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ ихъ дѣлалъ, или же не могли быть и не были исполняемы“ (стр. 305 и 306).

Что Даву, дѣйствительно, не былъ убитъ, а только контуженъ, это неоспоримая истина; но, къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же объ остальной части повѣствованія автора. Дѣло происходило вотъ какимъ образомъ:

Когда Компанъ былъ раненъ и дивизія его пришла въ замѣшательство, суровый Даву, безъ нужды не рисковавшій собою, какъ это заурядъ дѣлали пылкій Мюратъ или Ней, счелъ однако настоящую минуту доста-

точно важною, чтобы бросить на карту свою собственную жизнь: онъ становится въ головѣ бригады Теста (дивизіи Компана) и ведетъ ее на флеши. Воодушевленные присутствіемъ маршала, французы овладѣли было флешами, но, выбитые войсками 27-й дивизіи Невѣровскаго, скоро принуждены были снова оставить ихъ. Французы понесли при этомъ страшныя потери: почти всѣ начальники были переранены; самъ Даву, контуженный, замертво упалъ съ лошади. Получивъ объ этомъ извѣстіе черезъ полковника Сорбье, Наполеонъ посылаетъ Мюрата на смѣну Даву, Нею же съ цѣлымъ корпусомъ, еще нѣсколько ранѣе, приказываетъ идти на помощь разстроеннымъ дивизіямъ Компана и Дессѐ, атаковавшимъ флеши. До прибытія Нея флеши не были заняты, такъ какъ дивизіи Компана и Дессѐ были слишкомъ для этого разстроены.

И такъ, во-первыхъ, въ то время, когда доносили Наполеону о мнимой смерти Даву, флеши не могли быть заняты никакою „*другою частью войскъ*", а были заняты впослѣдствіи подоспѣвшимъ корпусомъ Нея, причемъ участвовалъ и король Неаполитанскій, посланный, какъ сказано, *послѣ* извѣстія о мнимой смерти Даву; во-вторыхъ, распоряженія Наполеона: посылка Мюрата и назначеніе корпуса Нея были вполнѣ цѣлесообразны и могли принести, и принесли дѣйствительно, только одну пользу. Наконецъ, мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ такія распоряженія, какъ посылка Мюрата и приказаніе цѣлому корпусу Нея идти на флеши, „были исполнены прежде, чѣмъ онъ (Наполеонъ) сдѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы"???.

Затѣмъ авторъ продолжаетъ:

„Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но также какъ и Наполеонъ не участвовавшіе въ самомъ сраженіи, и только изрѣдко заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять, и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно также какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе" (стр. 306).

Прежде всего авторъ ошибается, утверждая, что маршалы и генералы *не участвовали* въ сраженіи. Не говоря уже о Неѣ и Мюратѣ, никогда не упускавшихъ случая идти на смерть во главѣ своихъ войскъ (*), самъ хладнокровный Даву послѣдовалъ ихъ примѣру и едва не былъ убитъ. Подъ вице-королемъ также убита была лошадь.

Вообще же, изъ числа французскихъ генераловъ, убито 12, въ томъ числѣ Монбрёнъ (командиръ кавалерійскаго корпуса), Коленкуръ (братъ посланника, смѣнившій Монбрёна), Шастель и др.; ранено 37, въ томъ числѣ Раппъ (приближенный Наполеона), Нансути (корпусный командиръ), Груши (также), Моранъ, Фріанъ, Дессѐ, Компанъ, Бельяръ, Тарро, Сенъ-Жерменъ, Брюйеръ, Пажоль, Дефрансъ, Шелеръ и др. (**).

(*) Мюратъ едва не попался въ плѣнъ при атакѣ Семеновскихъ флешей: онъ принужденъ былъ соскочить съ лошади и искать спасенія въ рядахъ пѣхоты. Его успѣлъ спасти одинъ изъ виртембергскихъ батальоновъ.

(**) Что наши генералы также въ дѣлѣ участвовали, доказательствомъ можетъ служить то, что даже главнокомандующіе арміями: Багратіонъ былъ смертельно раненъ, а Барклай, участвуя въ рукопашной схваткѣ, принужденъ былъ самъ обнажить шпагу, причемъ адъютантъ его, графъ Ламсдорфъ, былъ застрѣленъ изъ пистолета. Вообще же, при Бородинѣ, нашихъ генераловъ убито или смертельно ранено—4; ранено и контужено—18.

И такъ, слѣдовательно, не только „другіе генералы", но и король неаполитанскій, вице-король итальянскій и маршалы находились на волосокъ отъ смерти, то есть въ сраженіи участвовали.

Право участія въ сраженіи принадлежитъ имъ тѣмъ несомнѣннѣе, что они не только подвергались крайней опасности и частью сами водили войска свои въ атаку, но, вопреки мнѣнію графа Толстаго, сами же и дѣлали распоряженія. Чтобы не утомлять читателя изложеніемъ дѣятельности всѣхъ главныхъ помощниковъ Наполеона, мы приведемъ для доказательства болѣе крупныя распоряженія одного вице-короля.

Корпусъ вице-короля расположенъ былъ на лѣвой сторонѣ Колочи, гдѣ пролегалъ путь сообщенія французской арміи и гдѣ стояли обозы и парки. Оставить все это безъ сильнаго прикрытія было невозможно, тѣмъ болѣе, что село Бородино, лежащее по эту сторону Колочи, было занято нашими войсками, и за Бородиномъ массировалась большая часть нашихъ силъ, которыя могли перейти въ наступленіе, для чего, кромѣ постояннаго моста черезъ Колочу, мы могли, подъ прикрытіемъ села, приготовить еще нѣсколько временныхъ. О томъ, что этихъ послѣднихъ мостовъ не было, французы знать не могли, такъ какъ село было въ нашихъ рукахъ. Лучшимъ средствомъ обезопасить себя съ этой стороны было занять Бородино; это же средство рекомендовала и диспозиція,—такъ и поступилъ вице-король: въ самомъ началѣ сраженія, войска его, подъ прикрытіемъ тумана, приблизились къ Бородину, выбили оттуда нашихъ егерей, прогнали за рѣку и, увлеченные преслѣдованіемъ, сами перешли черезъ мостъ, но вскорѣ были отброшены, и мостъ черезъ рѣку уничтоженъ са-

мими же русскими. Съ этой минуты, вице-король, считая себя обезопасеннымъ со стороны Бородина, оставляетъ на лѣвомъ берегу Колочи одну только дивизію Дельзона, а остальныя переводитъ на правый берегъ рѣки, чтобы, вмѣстѣ съ дивизіями Морана и Жерара, атаковать батарею Раевскаго. Ясно, что подобный маневръ могъ быть исполненъ только по распоряженію вице-короля, дѣйствовавшаго такимъ образомъ согласно съ инструкціями императора; ни солдаты, ни частные начальники, сами собой сдѣлать этого, конечно, не могли. Точно также, когда, въ самомъ разгарѣ атаки на курганную батарею (Раевскаго), пришло извѣстіе о появленіи русскихъ на лѣвой сторонѣ Колочи (это была попытка Платова и Уварова, не имѣвшая никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, но надѣлавшая французамъ много хлопотъ), вице-король, согласно приказанію Наполеона, пріостанавливаетъ атаки на батарею, а самъ немедленно ѣдетъ на ту сторону Колочи и переводитъ туда же часть своихъ войскъ.

Итакъ, слѣдовательно, маршалы и генералы и подвергали жизнь свою явной опасности, и служили непосредственными орудіями для передачи войскамъ воли Наполеона, и сами дѣлали сообразныя съ обстоятельствами распоряженія, т. е., повторяемъ еще разъ, могутъ быть названы, по праву, *участниками* сраженія, и права этого графъ Толстой, конечно у нихъ не отниметъ.

Опровергнувъ тѣ доводы автора, которыми онъ старается доказать, что Наполеонъ не могъ оказать на участь боя никакого вліянія, укажемъ, какую дѣйствительную роль игралъ Наполеонъ во время Бородинскаго сраженія, чтò онъ сдѣлалъ и что могъ сдѣлать, чтó

принесло хорошіе результаты, и наоборотъ: что имѣло вредныя для французовъ послѣдствія. При этомъ, чтобы не наскучить читателю, мы будемъ ограничиваться лишь самыми крупными указаніями.

Читатель уже знаетъ, что рѣшимость атаковать насъ съ правой стороны Колочи, также какъ диспозиція и всѣ распоряженія для боя, принадлежали непосредственно Наполеону. Относительно этихъ предварительныхъ мѣръ можно замѣтить, что смѣлое рѣшеніе: перейти всѣми силами на правую сторону Колочи, оставивъ всю массу обозовъ и парковъ на лѣвой сторонѣ, вполнѣ оправдывалось обстоятельствами—слабостію позиціи нашего лѣваго фланга. Инструкція, данная при этомъ вице-королю, превосходна: Наполеонъ, несмотря на то, что здѣсь стояла бóльшая часть нашихъ силъ, приказываетъ вице-королю не ограничиваться одной обороной, но, напротивъ, атаковать русскихъ и отбросить ихъ за Колочу. Вслѣдствіе этого, съ самаго начала сраженія (когда мы были выбиты изъ Бородина, мостъ разрушенъ и рѣка раздѣлила противниковъ) французы получили возможность оставить на этомъ, весьма важномъ для нихъ пунктѣ, одну только пѣхотную дивизію Дельзона; всѣ же остальныя войска были употреблены тамъ, гдѣ позиція наша была слаба, и гдѣ должна была рѣшиться участь боя.

Нельзя съ такою же похвалою отозваться о распоряженіяхъ французскаго императора относительно атаки нашего лѣваго фланга: здѣсь употреблены были въ началѣ слишкомъ слабыя силы. Даву предлагалъ, наканунѣ обойти нашъ лѣвый флангъ со своими пятью дивизіями; подобный обходъ, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ бы самыя гибельныя для насъ послѣдствія: мало того, что мы при-

нуждены были бы отступить, но были бы еще отброшены въ уголъ, образуемый сліяніемъ Колочи съ р. Москвою, и русскую армію, вѣроятно, постигло бы въ такомъ случаѣ конечное пораженіе. Но Наполеонъ не согласился на предложеніе Даву.

Какая была тому причина — объяснить трудно. Нѣкоторые писатели стараются оправдать Наполеона тѣмъ, что подобное движеніе пришлось бы исполнить лѣсомъ и что такой маневръ представлялъ бы нѣкоторый рискъ; но согласиться съ этимъ невозможно: во-первыхъ, осторожный Даву только послѣ тщательнаго осмотра мѣстности сдѣлалъ свое предложеніе; во-вторыхъ, Наполеонъ согласился же, чтобы этимъ лѣсомъ провелъ свою дивизію Компанъ, и движеніе это было совершено безъ всякихъ затрудненій; въ-третьихъ, Наполеонъ зналъ очень хорошо, что при предусмотрительности и заботливости (качества, отличавшія Даву) можно предпринимать и не такія сложныя операціи, а напримѣръ переправу со стосемидесяти-тысячной арміей при 550 орудіяхъ въ виду непріятеля, черезъ такую рѣку, какъ Дунай, что исполнилъ онъ передъ Ваграмскимъ сраженіемъ въ нѣсколько часовъ времени.

Другіе полагаютъ, что Наполеонъ не согласился на предложеніе Даву изъ опасенія, чтобы армія наша, увидавъ себя обойденною, не отступила еще разъ; но, во-первыхъ, Наполеонъ очень хорошо понималъ, что мы не могли отдать Москвы безъ генеральнаго сраженія, а до Москвы оставалось всего сто съ небольшимъ верстъ; во-вторыхъ, подобное предположеніе выказываетъ совершенное непониманіе того, съ какими трудностями сопряжено бываетъ отступленіе стодвадцати-тысячной арміи, обремененной 640 орудіями, въ виду ата-

кующаго непріятеля. Притомъ, замѣтить подобный обходъ мы могли только съ разсвѣтомъ; пока пошло донесеніе въ главную квартиру, пока сдѣланы были бы распоряженія для отступленія, французы вступили бы въ дѣло, и если бы мы рѣшились отступить, то сразу подвергнулись бы непосредственному преслѣдованію цѣлой французской арміи со всѣми гибельными его послѣдствіями.

И такъ для насъ, лично, вопросъ: почему не согласился Наполеонъ на предложеніе Даву, остается неразъясненнымъ. Перейдемъ къ распоряженіямъ во время самаго боя.

Получивъ извѣстіе, что дивизіи Компана и Дессе́ отбиты, Наполеонъ посылаетъ къ нимъ на помощь корпусъ Нея; это распоряженіе было вполнѣ цѣлесообразно и принадлежало не кому другому, какъ Наполеону, точно также какъ ему лично принадлежало приказаніе Фріану идти поддержать Нея; но послѣднему приказанію предшествовало вредное для французовъ колебаніе императора, давшее намъ возможность нѣсколько оправиться послѣ перваго удара корпуса Нея и подвести къ угрожаемому пункту подкрѣпленія.

Войска Нея, съ помощію Фріана, успѣли наконецъ завладѣть Семеновскими флешами, отбросить нашихъ за оврагъ и даже овладѣть селеніемъ Семеновскимъ, но сами были на столько истощены этими усиліями, что не могли развить еще далѣе своихъ успѣховъ. Однако, видя полное разстройство нашего лѣваго крыла, Ней и Мюратъ, настойчиво просятъ у Наполеона резервовъ, и Наполеонъ уже отдалъ было приказаніе двинуться впередъ молодой гвардіи, какъ вдругъ извѣстіе о нападеніи Уварова и Платова на дивизію Дельзона и на обозы, стоявшіе по лѣвую сторону Колочи, воз-

будило въ немъ опасенія за путь отступленія: отданное приказаніе отмѣнено, атаки по всей линіи пріостановлены, и все вниманіе французскаго вождя обращено на лѣвую сторону Колочи. Когда дѣло объяснилось, когда оказалось, что нападеніе на лѣвый флангъ французовъ сдѣлано было одной кавалеріей и потому не могло имѣть серьезныхъ послѣдствій, Наполеонъ снова приказываетъ возобновить атаки; но на этотъ разъ онъ пріостанавливаетъ молодую гвардію и всѣ усилія устремляетъ на курганную батарею. Однимъ словомъ, не смотря на то, что войска Нея и Фріана, поддержанныя кавалеріей Мюрата, уже сбили русскихъ съ позиціи, овладѣли флешами и селеніемъ Семеновскимъ, Наполеонъ не воспользовался этими успѣхами, не двинулъ туда резервовъ для нанесенія окончательнаго удара и обратилъ всѣ усилія на другой пунктъ, еще не вполнѣ разстроенный, слѣдовательно требовавшій бо́льшихъ пожертвованій, хотя результатъ достигался менѣе рѣшительный.

Всѣ эти распоряженія, какъ и предъидущія, вполнѣ зависѣли отъ воли Наполеона, точно также какъ отъ его воли зависѣло послать подкрѣпленія Нею и Мюрату, что, нѣтъ сомнѣнія, совершенно измѣнило бы исходъ Бородинскаго боя.

Французскіе писатели объясняютъ невнимательность Наполеона къ требованіямъ Нея и Мюрата донесеніемъ Бессьера, посланнаго для осмотра нашего лѣваго фланга и нашедшаго его разстроеннымъ не до такой степени, какъ доносили Ней и Мюратъ; но, какъ кажется, когда уже принесены были на этомъ пунктѣ такія пожертвованія, слѣдовало и воспользоваться достигнутымъ результатомъ и рѣшить дѣло здѣсь же. Притомъ, самая ожесточенная борьба защитниковъ и, несмотря на то,

послѣдовавшее отступленіе служили яснымъ доказательствомъ нашего разстройства; наконецъ, конечно, слѣдовало дать болѣе вѣры донесеніямъ людей, все время руководившихъ боемъ, чѣмъ Бессьеру, пріѣхавшему только по окончаніи борьбы и лишь издали видѣвшему, что русскіе еще не бѣжали, а стояли на мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, но французы обратили все свое вниманіе въ другую сторону, на батарею Раевскаго, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, батарея эта была взята. Войска наши, расположенныя по старой смоленской дорогѣ, также принуждены были отступить. Такимъ образомъ, на протяженіи всей линіи, мы были сбиты съ нашихъ позицій, несмотря на то, что ввели уже въ дѣло всѣ свои резервы. Разстройство рядовъ нашихъ было крайнее и соотвѣтствовало только громаднымъ нашимъ потерямъ. Мы еще не бѣжали, но потеряли командующія высоты и, утомленные нечеловѣческими усиліями, не могли уже больше оказать серьезнаго сопротивленія натиску свѣжихъ непріятельскихъ войскъ.

Эти свѣжія войска у Наполеона были: вся его гвардія, какъ старая такъ и молодая, не участвовала еще ни въ одномъ дѣлѣ съ самаго открытія кампаніи и нетерпѣливо ждала приказанія двинуться впередъ; но сама она, конечно, не двигалась, потому что солдаты воюютъ независимо отъ воли своихъ начальниковъ только въ „Войнѣ“ графа Л. Н. Толстаго. Наполеонъ не далъ однако этого приказанія и тѣмъ добровольно отнялъ у своей арміи плоды ея несомнѣнной побѣды (*). На

(*) Быть можетъ, я навлеку на себя упреки за свою искренность; но я считаю недостойнымъ искажать истину, съ какою бы цѣлью это ни дѣлалось; тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ нашихъ не считаетъ насъ врагами легко побѣждаемыми. „Ихъ легче пе-

настоятельныя просьбы Нея и Мюрата ввести въ дѣло гвардію онъ отвѣчалъ: «je ne ferai par démolir ma garde. A huit cent lieux de France, on ne risque pas sa dernière réserve.

Это, конечно, было едва ли не самой капитальной ошибкой Наполеона во все время сраженія: гдѣ же и употреблять было гвардію, какъ не въ такомъ бою, какъ Бородинскій? Если не пользоваться ею даже и въ генеральномъ сраженіи, то зачѣмъ было и брать ее въ походъ? Сколько усилій и пожертвованій было сдѣлано французами для достиженія генеральнаго сраженія! И вотъ, когда цѣль эта достигнута, пожалѣть испытанныхъ людей и, забывая, что отъ лишеній похода они гибнутъ въ несравненно большей пропорціи, не рискнуть ихъ жизнью на полѣ чести въ такую минуту, когда рѣшалась участь цѣлой войны?!

Не извлекши никакой пользы изъ своего превосходнаго и вполнѣ свѣжаго резерва — гвардіи, Наполеонъ, въ замѣнъ того, съ замѣчательнымъ искусствомъ, воспользовался своей артиллеріей, чего никакъ нельзя сказать объ употребленіи артиллеріи съ нашей стороны: несмотря на то, что мы и количествомъ, и калибромъ орудій значительно превосходили французскую армію, отъ артиллерійскаго огня мы понесли несравненно бóльшія потери, нежели французы.

Полагаемъ, что сдѣланныхъ нами указаній вполнѣ достаточно для доказательства того, что сраженіе ведено было не помимо воли Наполеона, и что, на-

---

ребить, нежели побѣдить“ сказалъ Фридрихъ Великій послѣ Цорндорфа. О Бородинскомъ же сраженіи самъ Наполеонъ говоритъ: „изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное, это—данное подъ Москвою. Французы показали себя въ немъ достойными побѣды; но русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“.

противъ, участь этого дня не разъ зависѣла отъ непосредственныхъ его распоряженій во время самаго боя.

Хотя мы очень хорошо понимаемъ всю неизмѣримую разницу между положеніемъ главнокомандующаго, полнымъ самыхъ разноорбазныхъ трудностей и спокойною ролью человѣка, безмятежно разсматривающаго его дѣйствія, хотя въ подобныхъ случаяхъ никогда не слѣдуетъ забывать самаго правдиваго изреченія „la critique est aisée, l'art est difficile", но, тѣмъ не менѣе, нельзя, полагаемъ, не сознаться, что въ Бородинскомъ бою Наполеонъ не выказалъ столько рѣшимости и присутствія духа, какъ въ блестящіе дни своихъ славныхъ побѣдъ при Риволи, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ. Какая была причина—рѣшить трудно: отчасти, вѣроятно, сознаніе затруднительности своего положенія, также сила сопротивленія, оказанная русскими и потрясающій видъ поля сраженія, наконецъ—временное разстройство здоровья императора.

Полѣдняя причина кажется автору крайне забавною:

«Ежели отъ воли Наполеона зависѣло дать или не дать Бородинское сраженіе и отъ его воли зависѣло сдѣлать такое или другое распоряженіе, то очевидно, что насморкъ, имѣвшій вліяніе на проявленіе его воли, могъ быть причиной спасенія Россіи, и что поэтому тотъ камердинеръ, который забылъ подать Наполеону 24 числа непромокаемые сапоги, былъ спасителемъ Россіи» (стр. 281).

Всякій изъ насъ испыталъ, какое вліяніе оказываетъ физическое разстройство на волю и вообще на мыслительную дѣятельность самыхъ сильныхъ людей, а такъ какъ мы доказали, что Бородинское сраженіе было дано не „по собственному желанію" солдатъ французской арміи, а по приказанію Наполеона, и такъ какъ отъ

него непосредственно исходили всѣ главныя распоряженія, то очевидно, что и простуда императоро *могла* имѣть вліяніе на исходъ Бородинскаго сраженія и, быть можетъ, даже на исходъ цѣлой кампаніи, но ни въ какомъ случаѣ не на дальнѣйшую судьбу Россіи, какъ угодно шутить автору.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что судьба того или другаго народа не зависитъ отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но, полагаемъ, доказали, что передовые дѣятели могутъ ускорить естественный ходъ событій, или замедлить его, вообще могутъ имѣть вліяніе на исторію народа, но только вліяніе временное. Поэтому, хотя Наполеонъ и могъ временно унизить Россію, но ни въ какомъ случаѣ не погубить ее. Россія вновь бы возстала и заняла бы по праву принадлежащее ей мѣсто, точно такъ, какъ возстала Францiя послѣ униженій 1815 года, и какъ не замедлила спуститься на свое второстепенное мѣсто Швеція, временно выдвинутая талантами Густава-Адольфа.

Замѣтимъ кстати, что *шуткѣ* своей, относительно роли камердинера и непромокаемыхъ сапогъ, вѣроятно, и самъ авторъ не придаетъ серьезнаго значенія, потому что, безъ сомнѣнія, и ему хорошо извѣстно, что непромокаемые сапоги не всегда спасаютъ отъ простуды. Что же касается *остроумнаго* открытія автора, что простуда Наполеона не имѣла для Бородинскаго сраженія „большаго интереса, чѣмъ вопросъ о насморкѣ послѣдняго фурштадскаго солдата“ (стр. 283), то, послѣ сказаннаго, оно, надѣюсь, можетъ остаться безъ возраженій.

Обращаясь еще разъ къ 33-й главѣ, выпишемъ конецъ ея:

«Какъ только эти люди (солдаты) выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ же, стоявшіе сзади, *начальники формировали, подчиняли дисциплинѣ и подъ вліяніемъ этой дисциплины, вводили опять въ область огня*, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти) теряли дисциплину и метались по случайному настроенію толпы» (стр. 307).

Авторъ, конечно, написалъ эти строки, забывъ совершенно сказанное имъ же самимъ нѣсколько страницъ ранѣе. А тамъ сказано вотъ что:

«Солдаты французской арміи шли убивать другъ друга въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но *по собственному желанію*».

И, черезъ четыре строки:

«Ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ теперь драться съ русскими, они бы его убили и пошли бы драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо» (стр. 282).

Полагаемъ, что коментарій здѣсь не нужно. Прибавимъ только, что напрасно авторъ считаетъ людей въ бою толпою какихъ-то угорѣлыхъ зайцевъ; онъ говоритъ, между прочимъ:

«въ сраженіи дѣло касается самаго дорогаго для человѣка— собственной жизни, и иногда кажется, что спасеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ» (стр. 306—307).

Людей, для которыхъ собственная жизнь дороже всего на свѣтѣ—клеймятъ презрѣніемъ и названіемъ труса. Одно это уже служитъ доказательствомъ того,

что жизнь, для большинства, не дороже всего на свѣтѣ. Напротивъ того, мы дорожимъ ею поразительно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что съ нею теряемъ. Часто какое нибудь лишнее слово—и мы готовы пожертвовать жизнію, сознавая совершенно ясно, что умираемъ изъза пустяковъ, которые далеко не стоятъ такой жертвы.

Одинъ фактъ дуэлей, или войны, за дѣло обыкновенно совершенно чуждое большинству воюющихъ, несомнѣнно опровергаетъ ложное положеніе автора, будто самое дорогое для человѣка—собственная жизнь; понятно, что и выводы, построенные на этомъ ложномъ положеніи, выходятъ столь же далекими отъ истины. Такъ, авторъ называетъ атаки не болѣе какъ *бѣгствомъ впередъ* и нисколько не отличаетъ ихъ отъ *бѣгства назадъ*.

Значитъ, славная атака саксонскихъ кирассиръ, подъ начальствомъ Тильмана, захватившихъ нашу курганную батарею, была бѣгствомъ, также какъ и атака бригады Бонами, или нашей кирассирской дивизіи Дуки, или, наконецъ, атака Ермолова, имѣвшая слѣдствіемъ обратное взятіе курганной батареи?

Про послѣднюю самъ авторъ говоритъ, однако (стр. 303), что русскіе солдаты

«падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею».

Развѣ такъ бѣгаютъ подъ вліяніемъ страха?

Но дѣло въ томъ, что здѣсь говоритъ художникъ, съ чрезвычайно вѣрнымъ чутьемъ, на время оставившій въ сторонѣ свое жиденькое доктринерство. Этотъ же художникъ даетъ намъ превосходную картину боя на курганной батареѣ (конецъ 32-й главы), гдѣ люди,

вопреки графу Толстому-доктринеру, дѣйствуютъ у графа Толстаго-художника не какъ испуганные зайцы, нисколько не думая о собственной жизни и строго повинуясь приказаніямъ начальника. Прочтя эти, мастерски-написанныя, страницы, невольно пожалѣешь, что такой даровитый художникъ тратитъ свои богатыя средства на дѣло ему совершенно не свойственное и, въ добавокъ, неблагодарное, потому что историческія изслѣдованія требуютъ много знаній, труда, и далеко не даютъ такихъ блестящихъ результатовъ, какъ занятія литературныя.

Точно также несправедливо, чтобы „движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ". Движенія, напримѣръ, противъ Семеновскихъ флешей и курганной батареи, имѣвшія слѣдствіемъ занятіе ихъ, давъ въ руки французовъ господствующія высоты, облегчили и измѣнили къ лучшему ихъ положеніе, въ такой же степени, какъ измѣнили къ худшему—наше.

Въ 34-й главѣ, авторъ, хотя и касается факта историческаго — поведенія Наполеона и его „ужаса" (стр, 312) подъ Бородиномъ, но какъ не вдается здѣсь ни въ философскія теоріи, ни въ историческую полемику, а описываетъ дѣло какъ художникъ, въ образахъ, то мы и предоставляемъ фантазіи художника разыгрываться сколько ей угодно. Въ одномъ только мѣстѣ авторъ выставляетъ на видъ столь обширныя познанія свои въ исторіи наполеоновскихъ войнъ, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ:

Прежде, послѣ двухъ-трехъ распоряженій, двухъ - трехъ *фразъ*, скакали съ поздравленіями и веселыми лицами мар-

шалы и адъютанты, объявляя трофеями корпуса́ плѣнныхъ, des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis, и пушки и обозы, и Мюратъ просилъ только позволенія пускать кавалерію для забранія обозовъ. Такъ было подъ Лоди, Маренго, *Арколемъ* (*), Іеной, Аустерлицемъ, Ваграмомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Теперь же что-то странное происходило съ его войсками» (стр. 310—311).

Подъ Іеной и Аустерлицемъ, дѣйствительно, почти „такъ было"; но *такъ не было* ни подъ Лоди, ни подъ Маренго, ни подъ Арколе, ни подъ Ваграмомъ.

Подъ Лоди дѣло ограничилось простымъ форсированіемъ переправы во время преслѣдованія арміи Болье, не имѣвшимъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Это былъ подвигъ солдатъ Итальянской арміи — не болѣе; корпусовъ же плѣнныхъ здѣсь не могло быть уже потому, что австрійцы дрались *въ числѣ всего 6,500 человѣкъ*, изъ которыхъ *по показаніямъ французовъ* потеряли до 2000. Подъ Ваграмомъ, также, ни множества трофеевъ (**), ни корпусовъ плѣнныхъ взято не было. Австрійцы отступили съ поля сраженія, но отступили въ полнѣйшемъ порядкѣ, понеся потери почти одинаковыя съ французскими. Что же касается до Маренго и Арколе, то подъ Маренго Наполеонъ съ самаго начала даже *потерпѣлъ пораженіе*, то-есть, послѣ упорнаго боя, принужденъ былъ начать отступленіе. Главнокомандующій австрійской арміей, генералъ Меласъ, уже писалъ реляцію о побѣдѣ, и только прибытіе, въ самую крити-

---

(*) Авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать *Арколе*; но мы не смѣемъ прикасаться къ авторской ороографіи, оставляя его писать „*Русскіе* военочальники", „*Французскія* войска", „*Русскихъ* работъ", „*Нѣмецъ*" и т. п.

(**) Здѣсь, наоборотъ, австрійцы забрали *даже больше* орудій и знаменъ чѣмъ сколько сами потеряли.

ческую минуту, дивизіи знаменитаго Дезе (*), вмѣстѣ съ ошибкою австрійцевъ, въ пылу побѣды необратившихъ вниманія на преслѣдованіе и свернувшихся въ походныя колонны, дали дѣлу другой оборотъ.

Наконецъ, сраженіе при Арколе было однимъ изъ *самыхъ неудачныхъ* въ продолженіе всей военной карьеры Бонапарте: цѣлые два дня всѣ усилія французовъ перейти черезъ болотистый ручей Альпонъ не имѣли никакого успѣха. Раздраженный неудачей, Бонапарте становится впереди своихъ гренадеръ и, со знаменемъ въ рукахъ, бросается на мостъ; но и эта атака была отбита, и самъ Бонапарте едва не попался въ плѣнъ. Отразивъ всѣ фронтальныя атаки, австрійцы отступили только къ вечеру третьяго дня, и то лишь потому, что Ожеро удалось перейти черезъ Альпонъ, ниже Арколе, по мосту, построенному у Альбаредо, при впаденіи Альпона въ Адижъ. Такимъ образомъ, сраженіе при Арколе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ числу блестящихъ побѣдъ Наполеона; генералъ Бонапарте совершилъ здѣсь подвигъ личной храбрости— не болѣе; но подвигъ этотъ, самъ по себѣ, служитъ доказательствомъ, на сколько затруднительно было его положеніе при Арколе.

Послѣ сказаннаго, нельзя не сдѣлать предположенія, что авторъ составилъ себѣ понятіе о сраженіи при Арколе по банальнымъ гравюрамъ, а о Лоди, Ваграмѣ и Маренго по *историческимъ*.... романамъ французскихъ борзописцевъ. Мы далеки отъ того, чтобы упрекать въ этомъ художника; но зачѣмъ же, съ такими позна-

(*) Быть можетъ не всѣмъ извѣстно, что Дезе только наканунѣ прибылъ изъ Египта и, оказавъ Наполеону неоцѣненную услугу при Маренго, здѣсь же былъ убитъ на повалъ.

ніями, напускать на себя видъ человѣка въ дѣлѣ компетентнаго, судьи—непогрѣшимаго?

Большую часть 35-й главы, гдѣ доктрины автора проводятъ историческія лица нашей главной квартиры, а не самъ онъ отъ своего имени—мы также оставимъ въ сторонѣ, упомянувъ только, что, по видимому, авторъ, и самъ Кутузовъ (конечно, Кутузовъ „Войны и Мира"), убѣждены, что Багратіонъ командовалъ 1-й западной арміей; по крайней мѣрѣ, на стр. 314, узнавъ о ранѣ Багратіона, Кутузовъ говоритъ принцу Виртембергскому:

— „Не угодно-ли будетъ вашему высочеству принять командованіе 1-й арміей".

И нѣсколько далѣе:

„Кутузовъ поморщился и послалъ Дохтурову приказаніе принять командованіе 1-й арміей?"

Подобная забывчивость могла бы еще быть простительна со стороны нашего дряхлаго, отжившаго свой вѣкъ главнокомандующаго (*); со стороны же автора, столь компетентнаго въ исторіи войнъ, мы охотно бы объяснили это опечаткой, если бы она не была повторена дважды на одной страницѣ.

Другое наше замѣчаніе касательно 34-й главы будетъ относиться къ странному противорѣчію, встрѣчающемуся въ самомъ началѣ ея, на стр. 313:

„Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ (Кутузовъ) зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что *руководить сотнями тысячъ человѣкъ*, борющихся со смертью, *нельзя одному человѣку*, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженья не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ вой-

(*) Такимъ представляетъ его графъ Толстой.

ска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой *и руководилъ ею*, на сколько это было въ его власти".

Начало этой выписки совершенно гармонируетъ съ доктринами автора, уже разобранными въ своемъ мѣстѣ; но какъ же согласить съ этими доктринами вторую половину посылки автора?

Авторъ говоритъ, что участь сраженія зависитъ только отъ духа войскъ (**), и что руководилъ этимъ духомъ Кутузовъ. Значитъ, онъ руководилъ и боемъ. Авторъ прибавляетъ, правда: „на сколько это было въ его власти". Но очевидно, что и это добавленіе не имѣетъ никакого значенія, потому что, конечно, всякій изъ насъ дѣлаетъ только то, что во власти человѣка; вопросъ тутъ только въ томъ: дѣлалъ, или не дѣлалъ, руководилъ, или не руководилъ? Авторъ говоритъ, что руководилъ, и подверждаетъ это, какъ поступкомъ Кутузова съ Вольцогеномъ (стр. 316—317), такъ и слѣдующими словами на стр. 318:

„И по неопредѣлимой, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющей главный нервъ войны, (?) слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на завтрашній день, передавались одновременно во всѣ концы войска".

Мало того: сказавъ, что Кутузовъ не „дѣлалъ никакихъ распоряженій", авторъ сознается однако, что онъ „соглашался или не соглашался на то, что ему предлагали" (стр. 313).

Отчего же онъ дѣлалъ это различіе? На одно предложеніе—соглашался, на другое—не соглашался?! Вѣдь онъ понималъ, говоритъ авторъ, что одинъ человѣкъ

(**) Справедливо это или нѣтъ — другой вопросъ, уже разобранный нами выше.

сдѣлать ничего не можетъ; зачѣмъ же онъ не оставилъ все на произволъ судьбы?

На сколько Кутузовъ руководилъ боемъ въ дѣйствительности—вопросъ этотъ мы обойдемъ молчаніемъ; но, на основаніи повѣствованія автора, нельзя не вывести заключенія, совершенно противнаго его же собственному ученію; именно: Кутузовъ, во-первыхъ, руководилъ и настраивалъ духъ войскъ, который одинъ рѣшаетъ участь сраженій и, во-вторыхъ, соглашался или не соглашался на дѣлаемыя предложенія, то-есть дѣлалъ и распоряженія, потому что къ предложеніяхъ никогда не бываетъ недостатка,—вся сила въ томъ, чтобы выбрать, изъ множества разнорѣчивыхъ предложеній, наилучшее и рѣшиться на его исполненіе, то-есть принять тяжелую отвѣтственность передъ своей совѣстью, передъ современниками и передъ потомствомъ.

Чтобы покончить съ этой главой и вообще съ дѣйствіями русскихъ въ Бородинскомъ бою, также какъ и съ мнѣніями автора объ этихъ дѣйствіяхъ, приведемъ слѣдующій фактъ:

У французовъ подъ Бородиномъ было 587 орудій, у насъ 640; притомъ наши орудія превосходили калибромъ непріятельскія. Между тѣмъ, въ дѣлѣ, французы выставили несравненно больше орудій, нежели мы, и громадныя потери, понесенныя нами, произошли главнѣйшимъ образомъ отъ артиллерійскаго огня непріятеля. Отчего же это такъ вышло? Да оттого, что Наполеонъ употребилъ свою артиллерію превосходно; съ нашей же стороны вся резервная артиллерія, въ числѣ 26 ротъ и батарей (болѣе 300 орудій), не участвовала въ дѣлѣ. Въ главной квартирѣ просто забыли о ней. А такъ какъ дисциплинированныя войска двигаются не иначе, какъ по приказаніямъ начальниковъ, и какъ въ

главной квартирѣ не сдѣлали на этотъ счетъ никакихъ *распоряженій*, то многочисленная резервная артиллерія и не принесла намъ никакой пользы, а все время оставалась въ бездѣйствіи, позади деревни Псаревой.

Современники и самъ Кутузовъ полагали, что этого бы не случилось, если бы живъ былъ начальникъ артиллеріи, графъ Кутайсовъ; но Кутайсовъ, при обратномъ взятіи курганной батареи, былъ убитъ, а старый Кутузовъ и всѣ его окружавшіе забыли о самомъ существованіи резервной артиллеріи у Псаревой.

Мы привели этотъ интересный эпизодъ Бородинскаго сраженія въ доказательство того, на сколько важны въ бою распоряженія главной квартиры, и какую цѣну можетъ имѣть потеря одного ея человѣка, то есть какое вліяніе на ходъ боя можетъ имѣть не только главнокомандующій, но и второстепенный дѣятель главной квартиры.

Впрочемъ нерасположеніе автора къ главнымъ квартирамъ и штабамъ, ясно высказавшееся еще въ первомъ томѣ, въ мѣткихъ очеркахъ штабныхъ тунеядцевъ, въ закулисной дисциплинѣ, а также въ отзывахъ князя Болконскаго, имѣетъ частію справедливое основаніе. Правда, что въ главныхъ квартирахъ множество трутней, лестью и низкопоклонствомъ добывающихъ себѣ отличія; правда, что какой-нибудь безбородый мальчуганъ, котораго и вся-та дрянная ро́лишка заключается въ томъ, чтобы докладывать начальнику о приходѣ разныхъ лицъ, деретъ часто носъ передъ старымъ, заслуженнымъ офицеромъ; но возможно ли выводить изъ этого заключеніе, что штабы—вещь лишняя, что роль ихъ, какъ и главнокомандующихъ, ничтожна? Заставьте оркестръ (нарочно привожу сравненіе изъ обыденной жизни), составленный изъ превосходныхъ музыкантовъ,

играть безъ дирижента. Поставьте во главѣ его человѣка бездарнаго или дайте ему Берліоза. Неужели вы не услышите разницы? Или: оставьте значительное имѣніе безъ управляющаго. Вѣдь управляющій не работаетъ, а все дѣлаютъ эти закорузлыя, почтенныя, мужицкія руки, и посмотрите, что будетъ? Что же было бы безъ вождя съ арміей, управленіе которой неизмѣримо сложнѣе и требуетъ несравненно болѣе разностороннихъ способностей, нежели управленіе оркестромъ или имѣніемъ? Да развѣ исторія не представляетъ тысячи примѣровъ, до чего доводило арміи не только отсутствіе, но даже не слишкомъ блестящія способности лицъ, поставленныхъ въ главѣ ихъ? Перечислять эти примѣры не будемъ, потому что всякій можетъ и самъ насчитать ихъ сколько угодно, а сдѣлаемъ автору только слѣдующій вопросъ: отчего это Александръ, Цезарь, Фридрихъ, наконецъ Наполеонъ одерживаютъ почти постоянныя побѣды, а другіе ихъ не одерживаютъ? Въ сорочкѣ родились, полагать надо.

Перейдемъ къ послѣднимъ страницамъ четвертаго тома, заключающимъ собою Бородинское сраженіе:

„Измученнымъ, безъ пищи и безъ отдыха, людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебаніе, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: „Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте кого хотите, дѣлайте что хотите, а я не хочу больше!“ Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что они дѣлали, бросить все и побѣжать куда попало“ (стр. 334).

Строки эти — плодъ смѣлой фантазіи автора, но

отнюдь не дѣйствительности: какъ бы картина боя ни ужасала этихъ людей, сами собой, безъ натиска свѣжихъ непріятельскихъ силъ, они не могли разбѣжаться, потому что это были не нестройныя банды, а дисциплинированныя войска. Доказательствомъ можетъ служить самый фактъ того, что войска не разбѣжались же, какъ ни велики были ужасы битвы, почитаемой Наполеономъ самой кровопролитной изъ всѣхъ имъ данныхъ.

Записки современниковъ далеко не подтверждаютъ также, будто каждому думалось: „убивайте кого хотите, дѣлайте что хотите, а я не хочу больше!“ Напротивъ того, даже съ нашей стороны, потерпѣвшей несравненно большія потери, никто не хотѣлъ вѣрить приказанію объ отступленіи. Извѣстіе же о томъ, что „князь Кутузовъ назначилъ на слѣдующій день атаковать непріятеля, войска приняли съ восхищеніемъ“, говоритъ Ермоловъ („Записки Ермолова“, стр. 169). Да и самъ авторъ, за нѣсколько страницъ передъ этимъ, говоритъ, помнится, такъ:

„И узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди *утѣшались* и *ободрялись*“ (стр. 318).

Полагаемъ, что это мнѣніе относительно настроенія русскихъ *нѣсколько* разнится отъ вышеприведеннаго.

Далѣе:

„Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то непонятная, таинственная сила еще продолжала руководить ими“ (стр. 334).

Беремъ смѣлость объяснить автору, какая *непонят-*

ная сила удерживала войска въ рядахъ; это—сила организаціи, дисциплины и вообще предварительной подготовки хорошо устроенной арміи, вслѣдствіе которыхъ регулярныя войска бѣгутъ съ поля сраженія лишь подъ неотразимымъ давленіемъ матеріяльной силы и, въ рѣдкихъ случаяхъ, отъ паники, почти всегда бывающей слѣдствіемъ неожиданной опасности и имѣющей, какъ мы уже говорили, тѣмъ менѣе мѣста, чѣмъ лучше войска подготовлены.

„Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады Русской арміи, сказалъ бы, что Французамъ стóитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе и Русская армія изчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады Французовъ, сказалъ бы, что Русскимъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и Французы погибли“ (стр. 334—335).

Съ первой половиной мнѣнія автора согласиться можно, потому что мы ввели уже въ дѣло всѣ свои резервы и, не смотря на это, принуждены были уступить непріятелю командующія высоты, причемъ потери понесли ужасныя; но ни въ какомъ случаѣ нельзя признать, что русскимъ стоило сдѣлать „еще одно *маленькое* усиліе и французы погибли“.

Самое сравненіе численныхъ потерь показываетъ, что французскіе ряды были разстроены несравненно менѣе нашихъ; авторъ забываетъ притомъ, что у Наполеона оставался свѣжій, нетронутый, двадцати-тысячный резервъ, составлявшій цвѣтъ французской арміи. Резервъ этотъ—гвардія, не изнѣженная, не *сдѣланная*, а образовавшаяся посредствомъ выбора лучшихъ людей, какихъ только могъ дать двадцатилѣтній періодъ без-

прерывныхъ войнъ, людей, умѣющихъ умирать до последняго человѣка (какъ показало, впослѣдствіи, Ватерлоо), такой резервъ, конечно, парализировалъ бы и не „*маленькое*" усиліе съ нашей стороны.

„Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ 15-тилѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаніемъ того, что они завладѣли частью поля сраженія, что они потеряли только одну четверть людей, и что у нихъ еще есть 20-ти тысячная, нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ Русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока Русскіе, точно также какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль Французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но Французы не сдѣлали этого усилія. Нѣкоторые историки говорятъ, что Наполеону стóило дать свою нетронутую старую гвардію для того, чтобы сраженіе было выиграно. Говорить о томъ, чтò бы было, если бы Наполеонъ далъ свою гвардію, *все равно что говорить о томъ, чтò бы было, если бы осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть*" (стр. 335).

Нельзя не сознаться, что такая аргументація въ высшей степени оригинальна, а главное съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнима къ всевозможнымъ случаямъ.

Представляйте мнѣ какія угодно доказательства—на все я вамъ противопоставлю одинъ, но зато неотразимый, отвѣтъ: помилуйте, да говорить объ этомъ „*все равно, что говорить о томъ, чтó было бы, если бы осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть*", и я всегда останусь побѣдителемъ. Подобная аргументація, по истинѣ, сдѣлала бы честь самому несравненному Пиборню (*)

(*) Le Prince-caniche. Laboulaye.

и великій адвокатъ, такъ побѣдоносно дурачившій „Ротозѣевъ“ (Gaubemouches), конечно предпочелъ бы ее даже своей остроумной методѣ, если бы только не выступилъ на сцену до появленія 4-го тома „Войны и Мира“.

Далѣе:

„Не Наполеонъ не далъ свою гвардію, потому что онъ не захотѣлъ этого, но этого нельзя было сдѣлать. Всѣ генералы, офицеры, солдаты Французской арміи знали, что этого нельзя было сдѣлать, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этого“ (стр. 336).

Современники, напротивъ того, свидѣтельствуютъ, что всѣ не только не были того мнѣнія, что нельзя двинуть впередъ гвардію, но нетерпѣливо ожидали ея наступленія, а Мюратъ и Ней даже настойчиво этого требовали, головой ручаясь за успѣхъ. И въ войскахъ къ этому времени далеко не замѣчалось упадка духа: послѣ невѣроятныхъ усилій, они могли наконецъ съ гордостію назвать себя побѣдителями и ожидали только, чтобы изъ этой побѣды извлеченъ былъ результатъ, на что гвардія вполнѣ была способна. Даже, когда сраженіе окончилось безъ ожидаемаго результата, хотя войска, дѣйствительно, не ликовали, какъ въ былые дни рѣшительныхъ побѣдъ, но „упадка духа“ въ нихъ тѣмъ не менѣе не было; они должны были провести прескверную ночь, безъ огней, безъ хлѣба и даже безъ тріумфа, на который вполнѣ расчитывали наканунѣ....; настроеніе войскъ было пасмурное; но ни ропота, ни дезертирства, ни одного симптома, неразлучнаго съ упадкомъ духа, во французскихъ войскахъ не замѣчалось.

„Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣнье чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и неучаствовавшіе солдаты Французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро—меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса предъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ также грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила Французской атакующей арміи была истощена“ (стр. 336).

Отвѣтъ на это мы, полагаемъ, уже дали, также какъ и на послѣдующія строки:

„Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которя убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана Русскими подъ Бородиномъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, также какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее Русское войско. Послѣ даннаго толчка, Французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны Русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ, раны“ (стр. 336).

Послѣдняя половина этой выдержки отличается притомъ болѣе картинностью сравненія, нежели истиной. Съ нашей стороны не только необходимы были новыя усилія, отъ которыхъ погибло болѣе ста тысячъ русскихъ войскъ (*), но французская армія далеко не погибла бы, если бы Наполеонъ не зажился въ Москвѣ

(*) Одна главная армія, при выступленіи изъ Тарутина считавшая болѣе 100,000 человѣкъ, пришла на границы въ числѣ 27,000, потерявъ такимъ образомъ при преслѣдованіи около 75,000 воиновъ.

и не сдѣлалъ бы цѣлаго ряда ошибокъ при своемъ отступленіи (*).

„Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой, Смоленской дорогѣ, погибель 500-тъ тысячнаго нашествія, и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородиномъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника“ (стр. 336).

Представимъ себѣ читателя, который безусловно вѣритъ историческимъ указаніямъ графа Л. Н. Толстаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаетъ достаточною памятью, чтобы не вовсе забывать, подобно автору, однажды высказанное симъ послѣднимъ. Приведенная выдержка говоритъ ему, что „безпричинное (?!) бѣгство изъ Москвы“ и „возвращеніе по старой, Смоленской дорогѣ (**) и „погибель“ французской арміи и даже „погибель наполеоновской Франціи“ были „прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія“; страница же 126-я гласитъ:

„Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленія къ зимнему походу, въ глубь Россіи, а съ другой стороны, характеръ, который приняла война отъ сожженія Русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ“.

Чему же вѣрить?

И будто „наполеоновская Франція“ погибла?! И какъ

(*) На нѣкоторыя изъ нихъ мы укажемъ мелькомъ при разборѣ причинъ неудачи похода французской арміи.

(**) Замѣтимъ между прочимъ, что Наполеонъ возвращался не по *старой* смоленской дорогѣ, а по *большой* дорогѣ на Смоленскъ—разница между той и другой существенная.

могла она погибнуть отъ не совсѣмъ рѣшительныхъ результатовъ Бородинскаго боя, когда она не погибла даже отъ паденія Наполеона и смерти его сына? Она нашла себѣ человѣка, повидимому, совершенно чуждаго великому полководцу, и съ этимъ человѣкомъ идетъ по тому же скользкому пути, по которому слѣдовала за своимъ „маленькимъ капраломъ".

И какъ это графъ Толстой, такъ настойчиво развивающій до крайнихъ предѣловъ теорію о непреложномъ ходѣ историческихъ событій, какъ это онъ вдругъ рѣшаетъ участь націи, ея направленіе и характеръ, однимъ сраженіемъ, которыя въ то время считались десятками?!

Какъ ни странно, но намъ съ авторомъ приходится помѣняться ролями. Нѣтъ, одно сраженіе не могло погубить наполеоновской Франціи, потому что не могло измѣнить духа французскаго народа.

Злоупотребленія королевской власти, жалкое состояніе финансовъ, бѣдствія народныя и интеллектуальное развитіе, начавшее, въ концѣ прошлаго столѣтія, проникать въ массы, произвели французскую революцію. Но республика менѣе всего была присуща духу французскаго народа, увлекающагося, подвижнаго, дорожащаго внѣшней славой болѣе, нежели внутреннимъ благосостояніемъ: республика должна была обратиться въ имперію, будь это имперія Гоша, Моро или кого другаго—все равно. Конечно, не Бонапарте образовалъ наполеоновскую Францію: ее образовалъ духъ народа. Бонапарте явился здѣсь только орудіемъ, наиболѣе способнымъ удовлетворить стремленіямъ массъ.

Но какъ ни одинъ человѣкъ, по своимъ талантамъ, не могъ лучше Бонапарте соотвѣтствовать стремленіямъ

націи, то, конечно, ни одна имперія не оказала бы такой прочности и живучести, какъ имперія Наполеона.

Онъ злоупотребилъ своими талантами, истощилъ Францію и самъ палъ; но имперія его не пала, потому что была создана и лежала въ духѣ народа. Одно имя, напоминавшее звуки побѣдъ—и она вновь воскресла, и вся нація пошла за этимъ именемъ, забывая уроки прошлаго и тяжкія бѣдствія отчизны и безплодную гибель лучшихъ своихъ сыновъ.

Мы уже оговорились, что непослѣдовательность автора принудила насъ помѣняться съ нимъ ролями, и, полагаемъ, что, со стороны внимательнаго читателя, мы не навлечемъ этимъ на себя, въ свою очередь, упрека въ непослѣдовательности. Дѣйствительно, послѣднее мнѣніе наше вполнѣ согласно съ высказаннымъ ранѣе: что судьбы народа не зависятъ отъ воли одного дѣятеля, какими бы геніяльными способностями ни обладалъ онъ; но, выдвинутые самымъ порядкомъ вещей, такіе дѣятели могутъ, въ свою очередь, ускорить или замедлить естественный ходъ событій и, иногда, даже оказываютъ самое могущественное вліяніе на исторію не только своего народа, но и сосѣднихъ, хотя вліяніе только временное. Въ доказательство еще разъ припомнимъ исторію Швеціи и Густава-Адольфа.

Вышеприведенной выдержкой оканчивается послѣдняя страница четвертаго тома „Войны и Мира“, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются и наши замѣчанія.

Смѣемъ надѣяться, что никто, даже самъ авторъ, не упрекнетъ насъ въ недобросовѣстности разбора. Быть можетъ, подчасъ мы слишкомъ горячо оспаривали ложныя мысли и выводы автора; но это произошло оттого, что они высказывались писателемъ, имѣющимъ

на нашу публику обаятельное вліяніе, художникомъ съ самымъ замѣчательнымъ талантомъ, далеко выдающимся изъ обыкновеннаго уровня, и высказывались съ возмутительнымъ апломбомъ и вызывающею нетерпимостью. Мы принадлежимъ притомъ къ слишкомъ горячимъ почитателямъ этого художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ дорожимъ нашей, бѣдной дарованіями, отечественной литературой, чтобы равнодушно смотрѣть, какъ первостепенный ея представитель тратитъ свой талантъ, и силы, и время, на дѣло совершенно чуждое его блестящему дарованію.

ЦѢНА 75 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 1 РУБЛЬ.

Складъ изданія въ квартирѣ автора: площадь Большаго театра, домъ Воронина, квартиры № 49.

Здѣсь же можно получить оставшіеся экземпляры книги:

Вліяніе французскихъ военныхъ учрежденій конца прошлаго столѣтія на ходъ революціонныхъ войнъ и Критическій разборъ кампаніи 1800 года въ Италіи до сраженія при Маренго. Диссертація на адъюнктъ профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. А. Витмера. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к. Объ книги, съ пересылкою 2 р.

Въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ Ольхиной, № 30-й, поступила въ продажу книга:

Военныя силы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Война за нераздѣльность союза. 1861—1865 гг. Соч. *Виго-Руссильона*, профессора администраціи и военнаго законодательства въ императорской французской аппликаціонной школѣ генеральнаго штаба. Переводъ съ примѣчаніями *Станкевича* и *Витмера*. Издано при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Генеральнаго Штаба. Спб. 1868 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 40 к.

